

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
МАРИНА ИНДИВИ

Марина Эльденберт

Моя по волчьим законам

<https://litres.ru/74207219>

Аннотация

ОДНОТОМНИК

Люди и вервольфы жили на разных полюсах. До тех пор, пока не стало известно про ген «И». Имани сводят вервольфов с ума. От имани рождается сильнейшее потомство. Именно поэтому такие как я становятся собственностью зверя сразу после совершеннолетия. Я ненавижу вервольфов с тех пор, как себя помню. Анхель Экрот - сильнейший альфа. Мы не должны были встретиться. Он не должен был узнать мой секрет. Но все изменил один-единственный случай, и теперь он меня не отпустит. Теперь я его. Его по волчьим законам.

В книге есть: Анхель Экрот Девушка, которая не даст ему расслабиться Яркие эмоции и обжигающе горячие сцены Крышеснос

СТРОГО 18+! Откровенные сцены, нецензурные выражения, остро, эмоционально, горячо!

Новинка по миру:

Содержание

Пролог	4
Визуал. Анхель Экрот	12
Глава 1	13
Визуал. Мишель Монро	29
Глава 2	30
Визуал. Анхель Экрот	45
Глава 3	46
Глава 4	69
Глава 5	89
Визуал. Анхель в бассейне)	106
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пролог

Анхель Экрот

— Поддельные документы на имя Нины Рудвик, настоящее имя Мишель Монро. Имани. Незарегистрированная, — отчитался Брэд как по нотам.

Я перевел взгляд на девчонку, которая смотрела на меня так, будто готова была покусать. Даже со всклокоченными огненно-рыжими волосами и в драной одежде она выглядела очень привлекательно и пахла так же умопомрачительно, как могла бы пахнуть моя истинная. Предки миловали. Истинность — слишком замороженная штука, от нее мозги отъезжают, а мне еще стаю в узде держать надо.

Первый год, когда я стал альфой, выдался просто на редкость мерзотным. Многие считали, что отец мне поддался в драке. Те, которые так не считали, говорили, что я слишком молод. Вдобавок выродки, изгнанные из стай и сбивающиеся в преступные группировки, решили, что могут устанавливать свои собственные законы в Крайтоне, в том числе на моей территории.

Таких мы и накрыли сегодня. Старый склад на окраине, где держали девчонок и проводились аукционы. Живой товар продавали пачками, но хорошо шифровались. Если бы не Дэя, наш агент, наверное, мы бы еще полгода за ними бе-

гали.

— Ты в порядке? — спросил я девчонку, которая работала с нами. Хотя немного отвлекся от дурманящего аромата, который врезался в мысли.

— Ага, — она взъерошила длинные светлые волосы, выразительно посмотрела на меня. — Все супер.

Точно так же, очень выразительно, но с другими эмоциями, на меня смотрели дворняжки-отщепенцы, подранные моими волками и мной лично. Сбившиеся в кучу, они сейчас представляли собой жалкие биологические отходы, о принадлежности к нашему виду говорили разве что горящие желтым глаза. Особенно у того, кто был у них за главного, но я не обманывался. Истинного главара здесь не было. Ни один из них ни по запаху, ни по силе не дотягивал до самопровозглашенного альфы.

— Проследи здесь за всем, пока не приедет полиция. — Мы сотрудничали с людьми и, надо сказать, вполне успешно. Детективы в управлении Мантон-Бэй работали лучшие, и звонил я одной из них.

— Тара расстроится, если вы не пересечетесь, — хохотнул Брэд. Он, пожалуй, единственный изо всей стаи дотягивал до меня по росту — наследственность, доставшаяся от матери с отцом, сделала меня самым высоким альфой на всем Западном побережье.

— Тара знает, где меня найти, — хмыкнул я и кивнул на рыжую. — Ее я забираю с собой. Если потом потребуются

свидетельские показания, разберемся.

— Ты не имеешь права! — натурально зарычала имани, когда ее потащили к машине.

— На имани? Как раз имею.

Имани — идеальная самка. Не будучи волчицей, она может составить отличную пару даже альфе, наравне с самой родовитой женщиной стаи. От имани рождалось сильнейшее потомство. С тех пор, как их стали находить во всем мире, их стали регистрировать, в том числе и для того, чтобы защитить от таких вот ушлепков. Обычно их сразу забирали под лапу сильнейшие альфы, и дело с концом. Регистрация, если у тебя открылся ген имани, была обязательна, девчонка нарушила закон, и прекрасно об этом знала. Больше того, она использовала поддельные документы. Если бы не моя особая база данных, мы бы еще долго выясняли ее настоящее имя.

То ли она прочитала что-то в моем взгляде, то ли просто поняла, что спорить бесполезно, потому что замолчала. Позволила запихнуть себя в машину на заднее сиденье, я сел рядом, и Джей, мой бессменный водитель с того самого дня, как я волчонком скакал по Морийскому лесу, завел двигатель.

Внедорожник сорвался с места и, сверкая фарами, полетел по ночному Крайтону. Недавно прошел дождь, поэтому огни сверкали на мокрой полупустой трассе и делали блестящими металлические опоры мостов и стальные каркасы высоток. Я просматривал почту, стараясь не обращать внима-

ния на сидевшую рядом рыжую: в замкнутом пространстве салона ее запах перебивал даже здравый смысл.

Хотелось плюнуть на все, содрать с нее грязные мокрые тряпки и оттрахать прямо на заднем сиденье, и, клянусь предками, она это отлично понимала. Потому что несмотря на всю свою бравату и вызов во взгляде, сейчас отодвинулась к заблокированной двери и чуть ли не вжалась в нее.

Несмотря на то, что от нее буквально веяло враждебностью, я поморщился. Женщины никогда не смотрели на меня так, если, разумеется, это не входило в правила игры. Игры, интересной обоим.

— Итак, Мишель...

— Прима Монро, — поправила девчонка.

Так в Крайтоне обращались к людям. Официально. Официальнее некуда.

— Мишель, — усмехнулся я, открывая ее досье, которое Брэд скинул сразу же. — Рассказывай, как ты докатилась до жизни такой.

Реально ведь докатилась. Чуть не пошла с аукциона у оборзевших псов: при мысли о том, что ее лапали, волк внутри зарычал. Я посоветовал ему заткнуться и думать о стае, если, конечно, эту зверюгу сейчас интересовало хоть что-то кроме инстинкта размножения.

На ее запястье, где должна была стоять отметка о регистрации, ничего не было. На ней не было и метки, символизирующей о том, что она занята. Чем она вообще думала,

когда полезла в логово этих выроdkов?

— Ничего я тебе говорить не буду! — выплюнула она, и Джей чуть не выпустил из рук руль.

Его наверняка тоже крыло от присутствия имани, что уж говорить об интонациях, которыми она покрыла меня. Круче чем многоэтажными языковыми конструкциями.

Я нажал кнопку, и заслонка, предназначавшаяся как раз для таких случаев, отгородила нас от водителя.

— Давай сначала. Ты не знаешь, кто я такой...

— Я знаю, кто ты такой! — выплюнула она. — Анхель Экрот, альфа Морийского леса. Считается, что сильнейший в Крайтоне, но некоторые поговаривают, что твой отец поддался тебе в бою, и это место ты получил по блату.

Сказать, что я охренел — значит, ничего не сказать, а девчонка продолжила:

— Я передумала, кое-что я все-таки могу тебе сказать. — Глаза ее яростно сверкнули. — Пошел в жопу, Анхель!

Со мной никто так не разговаривал. Никогда. Наверное, я должен разозлиться, но сейчас странным образом на меня накатывает совсем другое чувство. Хотя почему странным: это все будоражащий аромат имани. Тот самый, который заставил вервольфов в прошлом передрасться за одну-единственную девчонку. Сильнейшие альфы рвали друг другу глотки за возможность провести ночь с такой, как она. Вот только та девчонка этого не знала, а она — та, что сидит рядом со мной, отлично знает. И все равно провоцирует.

Поэтому сейчас оказывается у меня на коленях раньше, чем успевает пискнуть. Ее лицо — над моим, а мои пальцы сжимают ее волосы, второй рукой я прочно фиксирую ее у себя на коленях. Теперь она не вывернется, даже если захочет. Хотя... эта Мишель наверняка полна сюрпризов.

— В жопу так в жопу, — говорю я. — Все, как ты пожелаешь.

И с наслаждением втягиваю горьковато-пряный аромат ее кожи. Большинство женщин любят сладкие, цветочные запахи. Всякую ваниль, ягоды и прочий весенний мозговynos, а я обычно не люблю запах духов. Ни один вервольф не любит, потому что он ощущается как очень резкий и чужеродный, на этой молочно-белой коже незнакомый парфюм смешивается с ее запахом так одуряюще, что мне даже не хочется открыть окно и начать чихать. Она наверняка использует какой-то мужской аромат, чтобы отбивать свой, но меня ей точно не обмануть. Запах другого мужчины я бы точно на ней почувствовал. И не только.

— Пусти, — шипит девчонка, ее ногти, неровные, с облезшим лаком, впиваются в мои плечи.

Ну чисто волчица.

— Подожди, — прихватываю губами бешено колотящуюся на ее шее жилку. — Я еще не сходил в жопу, в твою аппетитную маленькую задницу, радость моя.

— Тебе это нравится, да? Нравится издеваться?! — рычит она. Сейчас в моих руках девчонка как бабочка на булавке.

В таком захвате она может только попытаться расцарапать мне лицо или выцарапать глаза. Впрочем, уверен, ей сейчас не до этого.

Не только имани действуют на альфу, альфа тоже может действовать на имани. Если я сейчас отпущу свою силу, она подставит мне и свою задницу, и свою киску, и будет умолять, чтобы я продолжал. Искушение так и сделать велико, настолько велико, что мне приходится сдерживаться. Тем более что зверь внутри обезумел и рвется на свободу в обход меня, чего я не испытывал со времен волчьего пубертата.

— Я расскажу тебе, что мне нравится, как мне нравится, — говорю я. — И даже покажу.

Стягиваю волосы сильнее, и ее голова беспомощно запрокидывается, открывая шею. Самый незащитный жест для волков, и от этого мне чуть не срывает крышу.

— Но сначала все расскажешь мне ты. Все, о том, кто ты такая, — я жестко проговариваю каждое слово, и эта жесткость нужна сейчас не только для нее, но и для меня. — Зачем приехала в Крайтон. Почему у тебя нет регистрации, и как ты попала в руки этих ублюдков. В твоих же интересах, Мишель...

У нее абсолютно не рычащее, мелодичное имя, но на моем языке оно сейчас надламывается, как хрусталь под лапой вервольфа.

— Рассказать мне всю правду. Потому что от того, что ты скажешь, — я чуть ослабляю хватку на волосах, чтобы

встретить ее яростный взгляд, — зависит, какой будет наша с тобой история.

Я уже решил, что оставляю ее себе. Недостатка в женщинах я никогда не испытывал, но девчонка, сидящая у меня на коленях, разбудила во мне странное, незнакомое чувство. Желание обладать. Для меня это было в новинку, и я не собирался отпускать ее до тех пор, пока не исследую все его грани.

Она прочитала это в моем взгляде, потому что основательно напряглась. Не только физически: в отчаянную безрассудную ярость впитались нотки страха.

— У нас с тобой не будет никакой истории, — хрипло сказала она. И облизнула губы.

Зря. Этот простенький жест, как щелчок, вырубил мой хваленый контроль к псовьему хрену. Сила вырвалась на свободу, накрыла меня, ее и водителя: внедорожник дернулся и тут же выровнялся. Но мне было уже все равно. Я опрокинул девчонку на спину, не чувствуя ничего, кроме бархатной кожи под пальцами. Кроме раскрывающегося призывного аромата ее желания.

Визуал. Анхель Экрот

Знакомимся с героем, девочки)

Глава 1

За некоторое время до этого

Мишель Монро

— Нина!

Кто-то схватил меня за плечо, и я едва не подпрыгнула. От неожиданности и от того, что кто-то слишком бесцеремонно вторгся в мое личное пространство. Хорошо еще не сделала подсечку, как меня учил Венс, и не отправила желающую пообщаться однокурсницу в ближайшие идеально подстриженные кусты.

— Тебя же зовут Нина? — стройная блондинка обиженно наморщила нос. — Я уже минут пять тебя зову!

— Прости, задумалась.

А не потому, что так и не привыкла, что теперь в моем паспорте написано, что я Нина.

— Сиенна, — она протянула ладонь с длинными ногтями-стилетами. — Мы с тобой соседки по этажу в общежитии. Видела, как ты въезжала в комнату напротив.

Теперь я ее вспомнила. Правда, тогда на Сиенне была пижама с неприлично короткими шортами, полотенце-тюбан на голове и кислотного цвета патчи-бабочки, призванные увлажнять кожу вокруг глаз и носогубку.

— Нина, — я пожала ее ладонь, — но ты уже в курсе.

— Ты ведь из Триции? У тебя потрясающий акцент. И великолепные волосы! Это же натуральный оттенок?

Я в Легории несколько дней, но уже успела наслушаться про свой акцент. Каждый узнавал во мне трицианку: от бариста в кафе до преподавателей в КИУ (Крайтонском историческом университете). А мои рыжие волосы вовсе выдавали во мне северянку с головой. Такой вот каламбур.

— Спасибо, — я улыбнулась сквозь силу. Мне сложно общаться с незнакомцами или теми, кто просто живет в комнате напротив, но я поступила в КИУ с определенной целью, я прилетела с ней в Крайтон, поэтому мне бы не мешало казаться дружелюбной и завести друзей. Ради дела. — В детстве я была еще более рыжей, но, если честно, планирую покраситься. Всегда мечтала стать блондинкой, как ты!

Сиенна со смехом закатила глаза.

— Послушай моего бесплатного совета — не повторяй моих ошибок. Корни отрастают каждые две недели, и приходится много времени проводить в салоне. Не говоря уже о моем домашнем уходе.

Мой домашний уход начинался чисткой зубов, и на ней же заканчивался.

— О чем ты хотела поговорить? — уточнила я, возвращаясь к началу нашего разговора.

— Вообще-то мы с Бобби и Джастии хотели пригласить тебя в клуб. — Она кивнула на девчонок, которые болтали на

ступеньках главного входа в корпус. — Сегодня первый выходной после учебной недели. Не хочешь расслабиться и повеселиться?

Никогда не любила клубы: я из тех, кому слишком темно и громко, и люди вокруг мешают книги читать. Но все изменилось, когда я узнала про шакалов, и то, для чего они держат целую сеть ночных заведений в Крайтоне. Теперь мне было жизненно необходимо попасть в определенные клубы. Поэтому мой пульс ускорился.

— С удовольствием, — сейчас моя улыбка была искренней, потому что я собиралась идти в клуб в одиночестве, но одинокая девушка привлекает гораздо больше внимания, чем компания студенток. — Куда пойдем?

— В «Паранойю» или в «Курок», там дешевый алкоголь...

— Что насчет «Шангрила»? — по словам Венса, это главный офис шакалов.

— Ого! — округлила глаза Сиенна. — А ты высоко целишься!

— Я оплачу вам по коктейлю, — невозмутимо бросила я. Мне не нужен поход в клуб, мне нужен поход в определенный клуб.

— Другой вопрос, — хохотнула Сиенна. — Тогда встречаемся в холле в девять вечера! Позже не имеет смысла, иначе мы застрянем в очереди и никуда не попадем.

— Договорились, — улыбнулась я. Клянусь, у меня губы заболели, столько улыбаться! Обычно я столько не улыба-

юсь. Если честно, я вообще редко улыбаюсь.

Моя улыбка растаяла, когда я увидела высокую темново-лосую девушку, прошедшую мимо нас. Не сказать, чтобы в КИУ учились бедные студенты, он был одним из лучших вузов Легории, но такие, как эта брюнетка, все равно отличались лоском. Люксовая одежда словно с модных показов, идеальная укладка, кожа без единого дефекта, летящая походка победительницы по жизни. И дорогая тачка с водителем, который распахнул для нее двери.

— Натали Лакруз, — проследила за моим взглядом Сиенна. — Счастливая обладательница гена «И» и невеста альфы Нирейских гор. Она просто выиграла бесову генетическую лотерею и теперь живет в шоколаде.

— Завидуешь ей? — вырвалось у меня.

— Кто в здравом уме не будет ей завидовать? — громко рассмеялась моя соседка, взмахнув своими «стилетами». — Она сорвала джекпот, потому что просто родилась имани! Теперь у нее жених-вервольф, который исполняет все ее желания, приличная сумма от государства и...

— И отсутствие права выбора.

Несвобода.

— Да кого интересует этот выбор, когда у тебя жених — красавчик-миллионер?! — пожала плечами Сиенна и посмотрела на меня с вызовом.

Я могла привести еще с десятков аргументов против «красавчика». Для кого-то быть имани было счастьем, для ко-

го-то проклятием. Мы тысячи лет жили рядом с вервольфами: оборотнями, двуликими, которые могут принимать звериное обличье. Жили, пересекались в повседневности, но не смешивались. Все потому что у пар вервольфа и человека не рождались дети. Поэтому ни о каких полукровках и речи не шло. Более четверти века назад выяснилось, что на самом деле это не так. Точнее, не со всеми. Есть женщины, которые способны забеременеть от альфы и подарить ему сильное потомство.

Все началось с Шарлин Экрот, она написала книгу о своем опыте. Как обычная женщина смогла зачать и родить от сильнейшего вервольфа. Книга быстро стала мировой сенсацией и бестселлером, и правительства всех стран обязали всех женщин сдавать кровь на ген «И». Найденных имани обязали рожать новых вервольфов. Дело в том, что у оборотней до этого были большие проблемы с рождаемостью: мальчиков появлялось на свет больше, чем девочек, неудивительно, что в имани альфы вцепились мертвой хваткой.

Сейчас это вроде как романтизируется: родилась с геном «И», будешь жить как у Владыки за пазухой. Богатой, счастливой... производителицей волчат! Если, конечно, анализ подтвердит у тебя наличие гена «И». Например, мой показал результат «отрицательный» еще в восемнадцать. Спасибо Венсу!

Впрочем, мое мнение об эксплуатации имани было непопулярным. Кому надо жить с человеком, если есть красивые,

богатые и агрессивные альфы? Поэтому я не стала спорить с Сиенной. Я по-прежнему хотела в клуб. Мне туда нужно было!

— Наверное, — бросила я. — До встречи.

Она убежала: очевидно, чтобы рассказать девочкам, куда мы идем, а я направилась в общежитие. Пульс вновь зашумел в ушах, словно я нырнула глубоко под воду. Каждый шаг будто отсчитывал время до моей цели.

«Шангрила» находился в южной части Крайтона. Элитный популярный клуб: как среди людей, так и среди вервольфов. Здесь можно было замечательно отдохнуть, потанцевать и повеселиться. По крайней мере, так было написано на огромном баннере-афише, который я успела изучить вдоль и поперек, пока мы с девочками стояли в длинной очереди к дверям, украшенным экзотичными колоннами с восточными драконами. В отличие от меня, соседки по общежитию для похода в клуб принарядились: высокие каблуки, мини-юбки и макияж смоки-айз. В моем гардеробе отродясь не было юбок, поэтому я надела темно-синие джинсы, блестящий топ и черную косуху. Чтобы совсем не выделяться, нарисовала черные стрелки, отчего взгляд стал томным. То что нужно, чтобы невзначай задать пару невинных вопросов. Девочки шли веселиться, я — искать информацию.

Потому что этот клуб принадлежал мафиозной организации, называющей себя шакалами. Никто в здравом уме и

светлой памяти к ним бы не сунулся, но я искала очень важного для меня человека, и след привел меня сначала в Крайтон, а затем в «Шангрилу».

В клуб нас пустили ближе к двенадцати, вервольф на фейсконтроле смерил меня оценивающим взглядом, а затем объявил очереди:

— Пока все. Клуб переполнен.

Очередь неодобрительно загудела, но мы уже нырнули в распахнутые двери.

В клубе было громко. Не просто громко, а ГРОМКО. Кажется, я не слышала даже собственных мыслей. Техно било по ушам, в беспорядочно двигающихся кислотных лучах люди и вервольфы на танцполе превращались в единое существо. Остальной клуб, словно зверь, притаился в полутьме. Бобби и Джасти сразу же убежали танцевать: играл известный в Крайтоне трек, а мы с Сиенной сразу направились к бару, островку света в этом царстве тьмы. Мое соседка тут же заказала себя шот и скривилась, когда я взяла пиво.

— Ты что, Нина? На детском утреннике? — поддразнила она меня.

— В Крайтоне очень вкусное пиво, — ответила я заготовленную ложь, — ничего не могу с собой поделаться!

На самом деле я не собиралась пить даже его. Сейчас как никогда мне требовались трезвые мозги.

Пока Сиенна флиртowała с барменом, я осмотрелась. На первый взгляд «Шангрила» был клуб как клуб, но я знала,

что здесь проворачиваются самые темные дела и заключаются самые противозаконные сделки. Правда, не здесь-здесь, возле бара и на танцполе. Я подняла взгляд и посмотрела в темноту VIP-лож. Туда, где наслаждались вечером вервольфы.

Мне нужно туда.

Поднимаясь по лестнице с прозрачными ступеньками, я проигрывала план в голове. Подобраться ближе к кому-то из шакалов и обратиться в слух. Внедриться в их стаю и слушать-слушать-слушать. Я знала, что у меня яркая привлекательная для мужчин внешность. Поэтому я собиралась воспользоваться старым как мир способом: понравиться кому-то из шакалов, втереться в доверие. Это было меньшее, что я могла сделать ради *нее*. Ради нее я готова была на все.

По дороге я стянула косуху и без ее тяжести на плечах почувствовала себя практически обнаженной. Но взгляд встретившего меня в конце секьюрити был еще более тяжеловесным.

— Вход только для VIP-клиентов и сопровождения, — произнес он.

— Так я и есть «сопровождение», — кокетливо выдохнула я и улыбнулась.

Правда, на охранника это не подействовало. Зато подействовало на другого вервольфа: меня вдруг обхватили за талию и тесно прижали к себе. Я дернулась на инстинктах, и, будь обнимавший меня мужчина человеком, он бы улетел с

лестницы. Но он был вервольфом.

Забавный факт: все верволфы выглядят как сверхлюди. Они очень красивы и развиты физически, мощные, сильные, высокие. Незнакомец, в объятиях которого я оказалась, исключением не был, и мог бы даже мне понравиться.

Если бы я не ненавидела всех оборотней.

— Испугалась? — со смешком поинтересовался брюнет с раскосыми глазами, сияющими в полутьме желтизной. — Привет.

Больше всего мне захотелось отодвинуться: все во мне буквально вопило об этом. Я и раньше сталкивалась с вервольфами, даже прикасалась к ним, но сейчас то ли разнервничалась, то ли что-то было не так, но такой близкий контакт заставил мое сердце грохотать громче музыки, а во рту пересохло.

Я заставила себя замереть в его руках. Не время паниковать, Мишель! И точно не время сдаваться.

— Привет.

— Любишь кататься на волках, птичка?

Второй забавный факт: некоторые человеческие девушки западали на вервольфов и заводили с ними кратковременные романы. Их называли волчьими наездницами. Понятно, почему.

— Очень, — выдохнула я, глядя на него из-под опущенных ресниц.

— Покатаешься сегодня на мне, — пообещал он, проведя

пальцем по моей скуле.

Меня всю перетряхнуло. От омерзения и от чего-то еще. Низ живота свело болью.

— Альфа Шимлан, — кивнул охранник, убирая перед нами ограничительную ленту.

Альфа? Я готова была взять свои слова обратно. Я пересекалась с вервольфами, но впервые видела альфу так близко. Не просто видела, чувствовала, потому что он продолжал прижимать меня к своему бедру.

— Сладко пахнешь, — сообщил он на ушко, вцепившись в меня, словно в добычу. Не отпустил, даже когда мы опустились на диванчик. За соседними столиками было много вервольфов, и это совершенно меня не успокаивало. Наоборот, я будто сама почувствовала их запах. — Аромат чистоты. Ты из новеньких?

— Новеньких? — я все-таки осторожно отстранилась, когда он ткнулся мне носом в шею.

— В «Шангрила» много наездниц, но я вижу тебя впервые.

— Я переехала в Крайтон на прошлой неделе.

— Это многое объясняет. Одного не пойму, зачем такой невинной крошке искать себе вервольфа?

Внутри все не просто похолодело, замерзло. Как он вообще почувствовал?

— У меня хорошее обоняние, — расхохотался альфа и провел пальцами по моему предплечью. — Хочешь продать

девственность подороже?

— Ничего я не собираюсь продавать, — оскорбилась я и только после поняла свою ошибку.

Взгляд Шимлана стал пронизывающе-подозрительным. Пришлось исправляться:

— Я хочу, чтобы мой первый раз был с альфой.

Черты его лица мгновенно заострились, выдавая хищную натуру.

— Это можно устроить, птичка.

До чего же они мерзкие! Считающие себя королями мира!

Пришлось яростно сжать зубы, чтобы не выдать своих настоящих чувств, но, когда альфа положил мне ладонь на обнаженное плечо, я почувствовала приступ тошноты. Причем самой настоящей. Низ живота снова резко запульсировал болью: если бы я не сидела, то, наверное, согнулась бы пополам. Боль была характерной, знакомой каждой взрослой женщине в мире.

— Прости, мне надо в уборную, — пробормотала я, вырываясь из объятий альфы.

Хорошо, что я увидела указатель, потому что боль накатила вновь, когда я ворвалась в туалет на втором этаже. Вбежала в крайнюю кабинку и стянула джинсы вместе с бельем, чтобы убедиться, что ощущения меня не обманывают.

На светлом хлопке алело красное пятно.

— Твою мать! — зарычала я.

Этого не должно было случиться.

Просто не должно...

Месячные прошли десять дней назад, и я вколола себе антиген. Который нужно вводить в первый день цикла. Но еще ни разу в жизни мой цикл не вел себя словно пьяный!

Я не знала, что произошло, но точно знала, что мне надо срочно отсюда выбираться, пока работает антиген. Если он перестанет работать... Кровь сильно застучала в висках, а меня почти накрыло паникой.

«Дыши, Миш!» — приказала я себе и на негнущихся ногах направилась на выход.

Я успела выйти из уборной, как тут же столкнулась с охранником. Учítывая, что это был дамский туалет, а он чуть не просверлил меня взглядом, я шестым чувством осознала, что он за мной. Не придумав ничего лучше, я рванула мимо него к лестнице, но меня быстро перехватили и взвалили на сильное плечо.

Я кричала и брыкалась, но никто из VIP-гостей, кажется, не обратил на меня внимание. Пока меня не притащили в какую-то заднюю комнату. Где меня уже ждал альфа Шимлан.

Меня бросили к его ногам. Если бы не мягкий ковер, я бы себе все отбила.

— Осторожнее, Павел, — оскалился альфа и склонился надо мной. От его плотоядной улыбки мне стало дурно. — Ну привет, птичка. Сегодня я выиграл в лотерею, раз меня посетила незарегистрированная имани.

Проклятые вервольфы! Проклятый сбившийся цикл! Да

еще и в такой момент! Чтобы не попасть в такую ситуацию, я везде носила с собой антиген. Даже несмотря на то, что мой организм работал как часы, я не выходила из дома без инъекции антигена. Единственного, что могло скрыть мою природу даже перед сильнейшими альфами. И скрывало! Долгие годы! Но сегодня все пошло не так. В мои планы входило оказаться в компании вервольфов, но не как имани. Когда антиген скрывал мою природу, я была защищена. Всего лишь одна из девиц, которые с радостью вешаются им на шею, и которых так легко забыть. Но не теперь.

Бесы! Бесы! Бесы!

Прежде чем я успела все это уложить в голове, ладонь вервольфа легла на мою шею и пригвоздила меня к полу.

— Слишком хорошо, чтобы поверить в такое совпадение, — прорычал он. Черты его лица начали меняться, превращая Шимлана в зверя, коим он, собственно говоря, и являлся. — Поэтому, птичка, пой, кто отправил тебя сюда. Или я сверну твою шею раньше, чем ты успеешь отравить всех своими сучьими феромонами.

Кажется, у альфы проблемы с доверием. И с имани. Я успела подумать лишь об этом и о том, что у меня в крови колоссальный выброс адреналина, а в следующий момент мое горло сдавили так, что я захрипела.

— Я жду, — уже больше прошипел, чем прорычал альфа. Раскосые глаза добавляли его облику не столько волчьей, сколько змеиной внешности, перед глазами все поплыло. Я

дернулась и вцепилась ногтями в его ладонь, но тщетно.

— Н... м... гу... гв... ть.

Волчара понял, что перегнул, и чуть разжал пальцы. Я глотнула воздух, закашлялась, из глаз потекли слезы. Но все-таки я вытолкнула:

— Меня никто не присылал! Я пришла сама!

— Хочешь, чтобы я поверил в эту чушь? Незарегистрированная имани в самом сердце «Шангрилы» в первый день течи?!

Да охренеть! Я бы сама не поверила, если бы слышала.

— Антиген не сработал, — вытолкнула я раньше, чем он действительно свернул бы мне шею. — Я не успела... у меня цикл сбился...

— Павел, проверь сумку! — скомандовал альфа, и охранник тут же поднял слетевший с моего плеча клатч. Открыл и продемонстрировал содержимое альфе. Тот едва нырнул взглядом в неглубокий кармашек, где лежал заряженный иньектор, и хмыкнул.

Хватка на моей шее разжалась, альфа поднялся одним пружинистым движением, а Павел вздернул меня на ноги. От резкой смены положения потемнело в глазах, но охранник этого не заметил и подтолкнул меня к развалившемуся на диване вервольфу.

— Складно поешь, птичка.

— Потому что песню с детства учила, — огрызнулась я, страхивая руки охранника с плеч.

— И дерзишь тоже отменно. Таких у нас любят.

— У кого — у нас? — я похолодела.

— На волчьих аукционах. — Шимлан приподнял брови.

— Продать симпатичную девственницу можно достаточно дорого. Дерзкую девственницу — вдвойне. Мы, вервольфы, по природе охотники, а добыча, которая не сопротивляется... ну, на любителя. Поэтому девочки с характером ценятся больше. Но ты, птичка, — он посмотрел на меня в упор, — сойдешь за бриллиант. Девственница имани. Такого лота ни у кого не было и не будет.

Что? Что?!

— Я не собираюсь участвовать в ваших аукционах! — рыкнула я. Этот голос во мне просыпался вместе с природой имани, на которую во многом и велись вервольфы, и сейчас Шимлан уже знакомым мне пружинящим движением поднялся.

— Убери всех с этажа, — приказал он. — Нам здесь не нужны неприятности.

Охранник дернулся было к нам, но напоролся на взгляд альфы, лицо его исказила судорога боли.

— Я сказал: убери всех, — прорычал вервольф, и Павел вышел. Пожалуй, слишком поспешно, напоследок втянув носом воздух. Шимлан приблизился ко мне, схватил за плечо и подтащил к неплотно прикрытой двери.

— Смотри, птичка.

Из-за дверей выглядывали вервольфы. Кого-то выводили,

кто-то выходил сам. Звериное мускусное возбуждение пропитало воздух, и всего его нити тянулись ко мне. Вербольфы останавливались, рычали на Павла и других охранников, смотрели в сторону ложи Шимлана. Клянусь, я понятия не имела, что действую так... то есть я читала о проявлениях имани в книге Шарлин Экрот, но никогда не видела это вживую.

Наконец этаж опустел, и Шимлан прислонился к стене, сунув руки в карманы дорогуших брюк дорогущего костюма.

— Я сделаю на тебе состояние, — усмехнулся он. — Целое состояние.

— Я пришла, чтобы найти мать! — выкрикнула я. — Натали Монро! Ты что-нибудь о ней знаешь?

Одно движение — и альфа снова оказался рядом со мной. Пальцы вновь сдавили мою шею, но на этот раз мягко.

— Даже если бы знал, — вкрадчиво произнес он, рычащие нотки в его голосе полоснули кожу когтями, — за такую информацию надо платить.

— У меня есть деньги, я заплачу!

Он неожиданно расхохотался, а еще одно молниеносное движение стоило мне слишком дорого. В шею вошла игла, реальность перед глазами начала расплываться. Я соскользнула в его руки под свистящий шепот альфы:

— Конечно заплатишь, птичка. Конечно заплатишь.

И аккомпанемент собственной мысли: «Прости мама... я тебя подвела».

Визуал. Мишель Монро

А это наша Мишель)))

Глава 2

Мишель Монро

Мужской голос. Он выдергивает меня из сна. В нашей маленькой семье он может принадлежать только папе. Папа должен был вернуться через неделю, но, наверное, приехал раньше, чтобы порадовать нас. Это лучший подарок из тех, что он привозит со своих вахт.

Несмотря на то что за окном глубокая ночь, я вскакиваю с постели и шлепаю босыми ногами по холодному полу. Несусь вниз, как делала это множество раз, но замираю на последней ступеньке внизу. Смотрю широко раскрытыми глазами на незнакомца.

Он ничем не похож на папу: папа одного роста с мамой, он сутулится и носит очки, а этот огромный, как медведь, черные волосы, густая борода и безжалостные глаза. В гостиной приглушенный свет, поэтому я не могу рассмотреть их цвет, когда он поднимает взгляд на меня. Я сжимаю плюшевого зайца, словно мягкий искусственный мех способен меня защитить от чужой ярости. Я сплю с зайкой с тех пор, как папа привез мне его, когда мне было три. Недавно мне исполнилось шесть, но я не могу расстаться с любимой игрушкой. Мама говорит, что это не нужно, что зайка защи-

щает меня от кошмаров. Может, незнакомец в нашем маленьком доме просто кошмар?

— Я еще раз повторяю, — говорит мама, — я не пойду с вами, кем бы вы ни были!

Ее голос дрожит. Я никогда не слышала, чтобы ее голос так дрожал. Она волнуется даже больше, чем в тот день на озере, когда мальчишки толкнули меня в воду, и оказалось, что я не умею плавать. Мама тогда вся дрожала и плакала, когда меня вытащили на берег. Она не хотела признаваться, но я знаю, что она в тот день испугалась.

Сейчас она тоже боится. Сильно.

Но мама держится, пока не замечает меня.

— Мишель! Что ты здесь делаешь?! Немедленно иди в свою комнату!

Мои глаза наполняются слезами: мама никогда на меня не кричит. Она всегда со мной ласковая и нежная, даже когда злится.

— Мамочка, — ною я.

— Иди и не спорь!

— Милая девочка, — произносит страшный мужчина. — Будет жаль, если с ней что-то случится.

— Мишель! — мама рычит, как пойманный в капкан зверь, а потом бросается ко мне и толкает в сторону кухни. Там черный ход, и мы выскальзываем из дома, бежим сначала по заднему двору, а после через калитку в лес. Я слышу звук ее торопливых шагов. Мне страшно, я захлебыва-

юсь слезами, и единственный якорь, который меня держит — мамина ладонь.

Рывок — и я не чувствую ладонь. Я не чувствую мамино прикосновение.

Оглядываюсь и понимаю, что ее схватили. Тот страшный мужчина: он тащит ее обратно к дому. И не только он, я вижу других людей, которые у меня на глазах превращаются в чудовищ. Они огромные, мохнатые тела и желтые пугающие глаза. Когда они двигаются ко мне, я начинаю визжать так, что у меня самой закладывает уши.

— Мишель! — кричит мама. — Беги! Прячься!

Я срываюсь с места и бегу. Бегу в чащу леса, задыхаюсь, мое маленькое сердце бьется в груди так сильно, словно готовится ее покинуть. От ужаса.

Бегу и, споткнувшись, падаю в рыхлую от недавних дождей землю. А за моей спиной чудовища...

Я вынырнула из своего знакомого кошмара и попыталась сесть. Голова болела так, словно мы с соседками прикончили весь бар в клубе, а в горле образовалась пустыня. С моих губ тут же сорвался не то стон, не то хрип. Кажется, голос совсем пропал, и даже мысли казались мне громкими. Попытка открыть глаза привела к тому, что меня начало мутить. Но в моем желудке со вчера даже глотка пива не было, так что блевать мне нечем.

И почему я решила, что это было вчера?

Я сделала глубокий вдох-выдох и предприняла новую попытку соскрестись с того, на чем я лежала. Проморгавшись, я поняла, что нахожусь не в сыром подzemелье, а на нормальной кровати в гостиничном номере. Вернее, в комнате, очень похожей на гостиничный номер: здесь не было окон, а единственным источником света был бра на стене. Может, я была права насчет подzemелья? Потому что эта безлика́я комната могла находиться где угодно: как в подвале, так и на большой высоте.

Кроме кровати здесь было кресло, подвесные тумбочки, большой телевизор на стене, столик, дверь в ванную. За углом виднелась еще одна дверь, и когда я поднялась с кровати, смогла убедиться в том, что она заперта. Зеркало подсказало, что выгляжу я отвратно, а синяки на шее — что все случившееся мне не приснилось.

Встреча с Шимланом, его слова проявлялись в моей памяти словно старая киноплёнка. Часть я помнила, а часть будто окончательно стерла гадость в моей крови, которую он мне вколол и от которой меня шатало из стороны в сторону.

Он сказал, что продаст меня на торгах.

Маму тоже... продали? Украли и продали! А меня даже похищать не пришлось. То-то он радовался, что я пришла к нему сама!

Дерьмо!

Говорил Венс не соваться в это одной. Говорил, что одной мне не справиться. Но я была одна. Единственная, кому

небезразлична судьба мамы. Полиция ничего не нашла, дело закрыли: те, кто ее забрал, не оставляли следов. Поэтому мы с папой искали собственными силами. Он умер за несколько месяцев до того, как я вышла на шакалов. В день его смерти я поклялась ему, что не оставляю поиски. Узнаю, что с ней случилось. Освобожу ее, если она пленница.

А теперь все зря? Я повторю ее судьбу?

Мой взгляд упал на кресло, и я увидела свою сумку. Довыляла, схватила ее, но, конечно же, не обнаружила там антиген.

— Бесы, — простонала я и вся подобралась, когда открылась входная дверь.

— Привет!

Никого страшного за дверью не оказалось. Вошедшая девушка в мини-юбке, коротком черном топе и колготках в сетку несла поднос с едой. Ее длинные светлые волосы были стянуты в высокий хвост, алая помада и черная густая подводка придавали хорошенькому лицу агрессивности.

— Прежде чем ты совершишь глупость, — сказала она, когда я шагнула к ней, — хочу предупредить, что за этой дверью злые волки. Очень, очень много злых волков, поэтому...

Она не договорила, но мне хватило. Шимлан наверняка запретил ко мне прикасаться: если он хочет продать меня на аукционе, значит, я должна оставаться девственницей. Тем не менее я прекрасно знала, как имани действует на верволь-

фов и вероятность того, что кому-то из молодняка сорвет крышу несмотря на приказ альфы, несмотря на опасность клятвы, способной убить — очень и очень велика.

Да, я в свое время изучила про этих зверей все и знала, как действует клятва, данная альфе: она нерушима физически. Если кто-то захочет предать, пойти против главы стаи, поставить под сомнение его слово или приказ, ему будет очень больно. Или смертельно больно. В зависимости от нарушения.

От бессилия захотелось выругаться, и в первую очередь обозвать последними словами себя, но... я действительно отчаялась. Мы с отцом тратили все деньги на детективов по всему миру и, когда нас привели к шакалам, полиция снова отказалась реагировать. Триция — удивительная страна. Наши стражи порядка станут замораживаться, если только под окнами кого-то в открытую убивают. Спасать женщину, похищенную зверьем — нет, это не к нашему государству. Зато если кто-то не доплатил три пейля* в налоговую казну — за вами уже выехали.

Мой отец был ученым, исследователем. Он всю свою жизнь посвятил изучению аномальных зон во всех уголках мира, возможно, их воздействие в итоге его и убило. Когда у него обнаружили смертельную болезнь, врачи однозначно называли причиной именно его работу.

До того, как мама исчезла, он работал много. После того... еще больше. Я была предоставлена самой себе. По ка-

кой-то причине звери меня не забрали вместе с ней, и я до сих пор не знала, что отвело волков от меня. Им не составило бы труда догнать меня даже сейчас, в два счета, что уж говорить о маленькой девочке. Той ночью я потеряла сознание, а очнулась в холодном лесу.

Наш райончик стоял на отшибе, и я постучалась к соседке. Та вызвала полицию, но долго поиски мамы не продлились. Мне вообще мало кто верил, как раз по той причине, что я выжила. На мне не было ни царапины — кроме тех, что нанесли ветки и падение.

После того случая мы с отцом переехали, он снял простенькую квартиру поближе к центру, в которой началась моя взрослая жизнь. Я научилась сама себе готовить, научилась собирать папу в поездки, научилась не плакать, когда очередной детектив говорил, что нити обрываются. Первые годы мы с ним отчаянно надеялись, и не плакать было сложно. Потом становилось все легче, легче и легче, ведь когда разочарование следует за разочарованием, к этому привыкаешь.

Я была благодарна отцу за то, что не сдавался до последнего. За то, что всеми силами поддерживал меня в том, что мы ее найдем. Хотя все друзья и родня советовали забыть и жить дальше, советовали ему жениться снова, чтобы у меня была мать — и так у нас не стало ни друзей, ни родни. Мы перестали с ними общаться, у нас с папой была одна боль на двоих, одна цель, а потом не стало его.

Наверное, именно это сделало меня безрассудной и привело туда, куда привело. Сначала в Легорию, куда я нашла возможность перевестись из университета Триции (обещание закончить обучение я тоже дала отцу), а после — в «Шангрилу», к Шимлану и в эту импровизированную тюрьму.

Что сделано то сделано, об этом жалеть бессмысленно. Эту простую жестокую истину я усвоила в детстве. Бесполезно посыпать голову пеплом и винить себя за то, что уже произошло. Надо думать, что с этим делать. Здесь и сейчас.

— Ты одна из наездниц Шимлана? — спросила я.

Девушка расхохоталась, ставя поднос на тумбочку.

— Владыка, нет! Они не занимаются обслуживанием живого товара. Они вообще не прислуживают.

— Только катаются, я поняла.

Она приподняла брови:

— Если ты такая понятливая, как ты вообще здесь оказалась? Имани, да еще и...

— Отсюда можно сбежать? — перебила ее я.

Блондинка усмехнулась:

— Ты не слышала, что я только что сказала?

— Слышала. Но возможно, я могу предложить тебе кое-что интересное.

— Например?

— Деньги.

— Мой дружок меня неплохо обеспечивает.

— Но заставляет носить мне еду. Сколько нас тут еще таких?

— А ты серьезно, как я посмотрю, — девушка перестала улыбаться. — Но вот что я тебе скажу: если хочешь жить, не вздумай делать такие предложения кому-то еще. О тебе и так ходят слухи, что ты подсадная.

Да-да, я помню, что Шимлан предъявил мне в клубе, но он все-таки решил рискнуть, если притащил меня сюда.

— Ты слишком хладнокровно на все реагируешь, — продолжила девушка, — и если кто-нибудь увидит в тебе угрозу... реальную угрозу... сама понимаешь.

— А ты не увидела? — хмыкнула я. — И не доложишь обо мне своему дружку?

Она вперила в меня яростный взгляд:

— Я тебя предупредила, — прошипела и вылетела за дверь.

Удар, щелчок — и вот я снова в тюрьме. С той лишь разницей, что у меня теперь есть еда. Отказываться от нее было глупо, силы нужны в любой ситуации, а в такой — особенно. Особенно в такой. Травить меня не имело смысла, поэтому я с жадностью набросилась на еду.

А после отправилась в ванную.

«Ты слишком хладнокровно на все реагируешь».

После той ночи в лесу у маленькой Мишель было два варианта: первое — стать дрожащей от любого шороха зайкой

(не путать с зайкой), и второе — той, кем я стала. Поэтому сейчас мне оставалось только ждать. Аукциона, возможности договориться с тем, кто меня купит. И, возможно, тогда у меня получится найти маму. Вытащить ее.

Подобные мысли всегда успокаивали и настраивали на действия, а не на бессмысленную рефлексию. Мне почти удалось убедить себя в том, что я на правильном пути. Снова.

А потом случилось то, чего я так опасалась.

Меня заперли в тюрьме, но в тюрьме комфортабельной. В ванной я обнаружила целый набор средств для личной гигиены, в том числе тампоны, которые мне сейчас оченьгодились. Не знаю, сколько я была в отключке, но белье и джинсы пришлось застирать, а самой переодеться в белый махровый халат, оказавшийся мне длиной до пят. Стянув покрывало, я упала на чистую постель: голова продолжала болеть и кружиться, несмотря на то, что после душа я чувствовала себя легче.

Более детальная проверка «номера» показала, что кроме халата запасной одежды мне не предоставили и все колюще-режущие предметы убрали куда-подальше. Даже посуда, которую принесла блондинка, была из плотного многоцветного пластика. Еще я заметила три камеры: две в номере и одна в ванной. На последнюю я обратила внимание уже после того, как приняла душ, но когда обратила, к горлу подкатил новый приступ тошноты. Чуть не разбила ее, честное слово! Потому что знание, что кто-то наблюдал за мной, по-

ка я мылась, и, может, дрочил на это, прости Владыка, сдавливало меня всю в тисках отвращения!

Камеры я не тронула: понимала, что их поменяют через пять минут, а видеть тех самых злых волков, о которых предупредила девушка, у меня не было никакого желания. Особенно, когда из меня хлещет кровь так, словно мое тело собралось ею истечь. Полностью. Мой организм будто мстил мне за годы приема антигена!

Я помнила, как отец принес мне первую упаковку с ампулами: двенадцать штук на целый год. Сказал, что друг помог достать на черном рынке запрещенный и экспериментальный препарат, маскирующий аромат имани. Мне тогда было четырнадцать, и у меня началась менструация. Папа запрещал мне выходить из дома в эти дни. Будь его воля, он бы вообще запретил мне покидать наш квартиру после того, как анализ подтвердил, что я унаследовала от мамы ген «И». Его папа тоже делал самостоятельно: он никому не доверял. Но с антигеном я получила возможность вернуться в мир и жить нормальной жизнью.

Венс, папин друг, а позже наш общий, говорил, что антиген разрабатывали для имани, которые больше не хотят иметь детей. Как противозачаточное. Но он обрел широкую популярность на черном рынке среди торговцев людьми, которые кололи антиген имани, чтобы провозить их... да куда им надо, туда и провозить. Таким образом прятать их от полиции и других вервольфов.

Штука была хоть и экспериментальная, но действенная. Антиген никогда меня не подводил. В старшей школе и в моем прежнем университете в Триции я много раз сталкивалась с вервольфами, со студентами или преподавателями, но никто на меня не реагировал. Мы с Венсом проверяли его на альфах: я приближалась и к ним.

Я привыкла быть незаметной. Антиген был моей мантией-невидимкой из сказок. С ним я всегда оставалась человеком, обычной девушкой многие годы.

Блондинка сказала, что Шимлан подозревает во мне шпионку. Я его понимала, потому что так попасться — это тупо. Может, я всегда была немного бесстрашной, а может, случившееся со мной в детстве наложило свой отпечаток. Но безрассудной душой — никогда. Когда ты вынуждена всю жизнь скрывать собственную суть, оставаться в тени, паранойя становится твоей лучшей подругой!

Я была осторожна.

Я всегда была очень осторожна.

Антиген нужно было колоть в первый день цикла, мне просто не повезло, что собственное тело подвело меня именно в тот момент, когда я оказалась в «Шангриле». Почему случился сбой, из-за того, что я долго принимала антиген или из-за чего-то другого, я не знала. Спросила бы у Венса, но вместе с инъектором из сумочки исчез и мой смартфон.

У меня вырвался горький смешок. Что толку думать об этом сейчас? Меня поймали — и точка! Теперь надо искать

другие варианты, другие способы, другие...

Додумать я не успела, потому что дверь в мою камеру снова распахнулась. Первой мыслью было, что блондинка принесла мне обед или ужин. Часов здесь не наблюдалось, но по моим внутренним ощущениям сейчас был день или вечер. Но вместо девушки, прислуживающей вервольфам, вперед шагнул бугай с перекошенным лицом. Хотя вернее было назвать это мордой, потому что ничего человеческого в мужчине не наблюдалось: заострившееся черты, словно перед трансформацией, звериные желтые глаза.

Я села и подобрала под халат ноги, потому что он буквально пожирал меня взглядом. Словно я была самым желанным деликатесом, а он гурманом-ценителем.

Вервольф яростно, с шумом втянул носом воздух, зарычал, а затем с какой-то неотвратимостью двинулся ко мне. Инстинкт самосохранения взвыл пожарной сиреной, но я замерла на кровати. На меня будто разом нахлынули воспоминания: я, маленькая девочка, против волков, преследующих меня в лесу. Я застыла перед ним и, возможно, потеряла время. Потому что когда я вскочила с кровати, чтобы бежать или бороться, он перехватил меня за полу халата и швырнул на постель, нависая сверху. Огромный, сильный, злой и... возбужденный волк!

Последнее я почувствовала, когда его член уперся мне в бедро. Почувствовала и забилась в его захвате, как пойманная в капкан добыча. Все техники самозащиты испарились

из головы, вытесненные паникой, да и вряд ли они бы сработали, потому что проще была сдвинуть скалу, чем эту машину. Он больно сдавил мне бедро, а затем попытался раздвинуть ноги, но вдруг яростно взвыл и схватился за голову. Его сдуло с меня и с моей постели в одно мгновение неведомой силой. А после вервольф захрипел, будто задыхался. Он действительно задыхался, хватаясь за собственную шею и царапая кожу. Пока не рухнул на пол, затихнув.

Я не могла себя заставить дотянуться до него и проверить...

— Он мертв, — раздраженно сообщили мне. Я обернулась и заметила Шимлана.

— Он... Он... — я пыталась вытолкнуть из себя хоть что-то связное, но, кажется, у моей психики за последние сутки случилась перегрузка.

— Нарушил клятву альфе и прикоснулся к тому, что ему не принадлежит.

Я сжала кулаки.

Кто! Я вообще-то кто! И я никому не принадлежу.

— То есть, ко мне теперь каждый день будут заглядывать ваши злые волки и пытаться изнасиловать? — прорычала я.
— Кого ждать следующим?

— Никого, — Шимлан поморщился.

— Или вы так лоты обрабатываете? Запугиваете...

— Никто тебя не запугивает, — прорычал альфа. — Че-

рез это место прошли десятки имани, но ты... нечто особенное. От тебя я избавлюсь в первую очередь. Слишком много приносишь проблем, птичка.

— Когда? — выдохнула я.

— Скоро, — загадочно пообещал Шимлан. — Не переживай, не думаю, что после случившегося к тебе кто-то еще заглянет.

По выражению его лица я поняла, что это был урок для всех остальных. Наверняка рядовые волки сходили с ума в непосредственной близости от меня, и он решил устроить показательную порку. Он видел все через камеры и мог вмешаться раньше, но не стал.

По его приказу тело вынесли другие волки, а после я снова осталась одна.

Я обхватила себя дрожащими руками: шутка ли, пережить попытку изнасилования и впервые увидеть убийство. Если раньше я злилась на камеры, сейчас поняла, что они и для моей безопасности в том числе.

*Пейль - минимальная денежная единица Триции

Визуал. Анхель Экрот

Ловите визуал-спойлер к следующей главе :) Анхель в ан-фас, как вы и просили)

Глава 3

Анхель Экрот

— Ты же знаешь, что я не могу разглашать детали операции до ее завершения, — хмыкнула Тара, приглаживая и без того прямые светлые волосы, растрепавшиеся после секса.

Из-за количества окружающих меня блондинок и блондинок в моей постели журналисты говорили, что я повернут на типаже внешности собственной матери. Они и правда были худые, высокие, светловолосые, но к матери, разумеется, это не имело никакого отношения.

Просто мне нравились худые высокие блондинки. Со стержнем. Было в них что-то возбуждающее. А еще мои женщины никогда не заморачивались по поводу большой любви и замужества. Как только я улавливал такие заморочки, я сразу же вычеркивал их из своей жизни.

— Насколько я понял, до конца операции осталось не так уж долго.

— И ты узнаешь все день в день, — Тара коснулась моего плеча скорее в дружеском жесте, поднялась и принялась одеваться.

Приподнявшись на локте, я смотрел, как она натягивает брюки. Детектив Тара Мейфэр была из тех женщин, с кем приятно и поговорить, и потрахаться. И работать с ней тоже было приятно, особенно в такое беспокойное время. В Таре

я был уверен на сто процентов, даже когда все вокруг покупалось и продавалось, главное — кто назовет цену побольше, у Тары была одна-единственная и самая стабильная в мире валюта. Ее принципы.

Случись мне нарушить закон, она явится ко мне с наручниками. И даже не ради перца в постели, а чтобы арестовать, я был в этом уверен.

— Экрот, прекращай пялиться, — хмыкнула Тара. — Или я решу, что ты в меня влюбился.

— Попробуй тут не влюбиться, — я одним движением сел, и теперь уже на меня залипла детектив. Она не раз и не два говорила, что ей нравится смотреть, как я двигаюсь: реакция и сила вервольфов ее завораживала. Поэтому я, совершенно не стесняясь, повторил ее маневр с брюками и принылся за рубашку. — Ты такая одна.

— На этой неделе?

— Обижаешь.

— Да, прости, — фыркнула Тара, — сегодня.

Я не выдержал и расхохотался.

— Не будь ты такой полезной зверюгой, я бы тебе врезала, — беззлобно сказала она.

— Только ты можешь назвать меня полезной зверюгой, и остаться в живых. Цени.

— Ценю, ценю, — Тара накинула пиджак и проверила блузку. — Ты знаешь, недавно я думала, какие бы у нас получились волчата, если бы я была... ну...

Я замер, и теперь уже расхохоталась она.

— Владыка, Экрот! Видел бы ты свое лицо, — она похлопала меня по плечу. — Успокойся, я прекрасно знаю, что красавчики-миллиардеры с темной душой детективам достаются только в сериалах.

— У меня светлая душа, — возразил я, заправляя рубашку в брюки и застегивая ремень.

— Да-да, светлее некуда. — Тара кивнула на документы, которые мне принесла. — Кстати, о лицах. У Шимлана появилось еще одно. Смазливый красавчик, тонкий-звонкий. Дэя прислала. Можешь посмотреть.

Я сел в кресло и взял со стола папку. Обычно мы сначала обсуждали дела, потом трахались, но сегодня как-то так получилось. Современная система слежения, опутавшая весь Крайтон россыпями камер, поможет найти любого в считанные часы. Если не минуты. Правда, если этот кто-то не умеет скрываться и не носит с десятков подставных личин.

Передел территорий между отбившихся от стай или изгнанных за нарушение внутрискановых законов вервольфами-отщепенцами с их самопровозглашенными альфами всегда был камнем преткновения во всей Легории, а в Крайтоне вопрос стоял особенно остро. Но в этом году, словно в насмешку, в первый, мать его, год, когда я стал альфой, они вышли на новый уровень.

«Вместо того, чтобы делить земли и сражаться друг с другом, мы должны объединиться и уничтожить тех, кто отка-

зался от нас. Вервольфов, считающих, что мы недостойны. Сильнейших мира сего, прогнувшихся под законы ничтожных. А затем мы возьмемся за людей и укажем им на их место».

Каким-то долбаным образом этому чудаку с громкими лозунгами действительно удалось собрать под своей лапой все преступные группировки, которые еще совсем недавно радостно грызли друг другу глотки. Изначально никто не верил в то, что это возможно, поэтому и упустили момент. Тот, кто называл себя Шимланом, не просто собрал и объединил свору со всего Крайтона. Они уже растерзали альфу Берта, и никто, нахрен, не понял как. Тот факт, что он готовился к выходу на пенсию, ничего не менял. Альфа до последнего остается альфой, а значит — сильнейшим.

С фотографий из папки на меня смотрел смазливый мужчина, короткие темные волосы были зачесаны назад, в раскосых глазах застыла насмешка. Он мог быть Шимланом. А мог и не быть — в конце концов, это тоже была одна из ошибок. Их. И полиции.

Когда они начали хватать тех, кто называл себя так, в их руках оказывались пустышки. Ни один из них на самом деле не был тeneвым королем отбросов, перевернувшим преступный мир Крайтона. Грозившим уничтожить порядок, который веками устанавливали их предки. Ведущий к тому, что в прошлом чуть не погубило и людей, и вервольфов.

К открытой вражде и звериной доминации.

История таких тварей ничему не учит, они готовы лить кровь и убивать за свои слепые идеалы, ведомые инстинктами и жадной власти. Любой волчонок с детства знает, чего нам всем стоил этот мир. Мир, где люди и вервольфы не смотрят друг на друга как на врагов.

— Что скажешь? — перебила мои мысли Тара.

— Твою мать.

— Очень информативно.

— Я о том, что мне нужно увидеть его вживую, чтобы понять. Он может быть Шимланом. А может не быть.

— Мое мнение ты знаешь. Я считаю, что он никогда не покажет свое истинное лицо.

В Крайтоне его уже называли Шимлан Многоликий, и те, кто был в курсе, этого выродка побаивались. Особенно после случившегося с Бертом.

— Напротив, — я захлопнул папку и подтолкнул ее к присевшей на стол Таре. — Этот ублюдок очень амбициозен, а значит, захочет записать славу на свой счет. Сложно это сделать, когда с десятков версий тебя бегают по Крайтону.

Она приподняла брови.

— Считаешь, что он покажется? В ближайшее время?

— Когда почувствует силу. Возможно, уже почувствовал. После Берта.

— Будем надеяться, что ты прав, — Тара вздохнула, — и что мы возьмем его через несколько дней.

Я кивнул, но по поводу предстоящей операции особого

энтузиазма не испытывал. Да, возможно, Дэя вышла на что-то стоящее, но... Шимлан — изворотливая тварь, если бы его было так легко поймать, они бы не оказались здесь и сейчас в такой ситуации.

Поэтому больших ожиданий по поводу готовящегося захвата у меня не было. Оставалось надеяться, что они получат хотя бы что-то.

Хоть какую-то зацепку.

И они получили.

Мишель Монро

Блондинка, что приносила мне еду, а затем убирала поднос, отчасти оказалась права насчет моего хладнокровия. Случившееся со мной в детстве — похищение мамы и побег через лес, когда тебя преследует волчья стая, наложило отпечаток на всю мою жизнь. Детская психологическая травма, так бы, наверное, сказал любой психолог, если бы отец меня к ним водил.

Возможно, не будь у меня подобного травмирующего опыта, я бы визжала и рыдала, когда у меня на глазах у вервольфа спеклись мозги. Но я всего лишь просидела пару часов, уставившись в одну точку. Размышляя. Например, чем больше я думала, тем больше понимала, что показательное выступление было не только предупреждением для подчиненных Шимлана. Это было послание и для меня: попробу-

ешь сбежать из своей уютной клетки — последствия будешь разгребать самостоятельно. Испорченный товар не настолько ценен, с ним можно не церемониться. Я мысль поняла и не собиралась делать глупости. Не сдалась, но сделала вид, что я умная напуганная девочка.

Почему насчет хладнокровия блондинка была права лишь отчасти? Потому что такой я была только с виду. Внутри меня бурлили ярость и ненависть к таким уродам, как Шимлан. Способным забрать жизнь по щелчку пальцев или зарабатывать на продаже женщин. Он не был тем альфой, что забрал маму, но они с ним мало чем отличались. Тот же монстр, просто с другим лицом.

Я ненавидела их всех, но приучила себя не показывать своей ненависти, своих истинных чувств. Поэтому, несмотря на яркую солнечную внешность, многие называли меня равнодушной или отмороженной. Последний парень, который мне понравился, вовсе заявил, что я фригидная. Потому что когда дело дошло до постели, у меня на него просто не «встало». Я не стала продолжать и услышала про себя много всего интересного. Девственница в двадцать один (почти в двадцать два) — дикий стыд по современным меркам. Венс сказал, что дело может быть в антигене — вроде как он подавляет мое либидо. Я предпочитала так думать, потому что другая версия мне нравилась еще меньше.

Имани созданы матушкой природой для вервольфов, поэтому и наша чувственность просыпается рядом с аль-

фа-самцом. Тьфу!

К счастью, у меня ничего не просыпалось. Ни когда я колола себе инъекции антигена, ни когда несколько дней просидела в клетке Шимлана без него. Мне не хотелось наброситься на какого-нибудь волка и его отлюбить. Я видела, как работает ген И во мне — сводит зверей с ума, но сама оставалась к ним равнодушна. Всегда равнодушна. Кто бы мог подумать, что однажды мое нулевое либидо спасет мне если не жизнь, то хотя бы защитит мое тело от посягательств? Не будь я девственницей, меня бы тоже выставили на аукцион, но Шимлана или его шакалов ничего не сдержало бы от того, чтобы перед продажей со мной развлечься.

«Это ненадолго», — напомнил противный внутренний голос.

Шимлан пообещал, что избавится от меня, читай, продаст быстро, но, видимо, собрать покупателей в одном месте было непросто. Поэтому это заняло несколько дней. Несколько дней, в течение которых я варилась в преисподней ожидания и нервов. Со стороны, наверное, я казалась спокойной: я спала, просыпалась, завтракала, медитировала, обедала, смотрела телепередачи... Если бы не камеры, я могла бы отрабатывать навыки самозащиты, но мне не хотелось выдавать этот секрет. Хотелось сохранить хоть один козырь в рукаве. Маленькое, но преимущество. Когда от телевизора появлялась резь в глазах и уже начинали разжижаться мозги, я его выключала и сидела в тишине, чувствуя вервольфов по

ту сторону двери.

Все изменилось в один день.

Я поняла, что сегодня меня продадут, когда блондинка (она так и не представилась, поэтому я не знала ее имени) вместе с подносом принесла мне одежду. Джинсы и топик у меня забрали еще в первый день, оставили лишь белье и халат. Но сегодня я получила свою одежду назад: чистую, с легким ароматом свежести. Дополняла все это моя любимая кожаная косуха и ботинки.

— Ничего красивее для аукциона Шимлан не придумал? — поинтересовалась я у блондинки. — Я думала, что буду как минимум щеголять в красном платье со шлейфом. Или в синем! Синий мне идет больше красного.

— Все девушки надевают свою одежду, — она даже бровью не повела. Для нее это было в порядке вещей, что тут вообще-то людей продают. Сука!

— Тебя совесть по ночам не мучает? — огрызнулась я.

— Что такое совесть? — хмыкнула эта стерва.

Я ненавидела вервольфов, я ненавидела шакалов, но еще больше я ненавидела людей, которые на них работают. Это для зверей мы скот, а для своих кто? Возможно, девчонки, с которыми я пришла в клуб, или кто-то в университете, когда я не появилась на занятиях, заявил в полицию. Но толку? Полиция в Триции не помогла найти мою мать, чем полицейские Крайтона лучше, если у них под самым носом происходят торги живыми лотами? А может, они тоже в деле?

Прикрывают дела Шимлана и хорошенько зарабатывают на старость.

Я давно привыкла справляться со всем самостоятельно. Полагаться только на себя. Никто не заступится, никто не защитит. Поэтому глупую резкую мысль об освобождении из плена я смяла словно конфетный фантик.

За дверью нас ждали те самые злые волки. Один из них подал блондинке черный шарф, и она плотно завязала мне глаза. Я вздрогнула, когда сверху лег еще один слой ткани — мешок или что-то вроде этого. Затем меня схватили за локоть и куда-то повели.

Теперь я не могла ничего видеть, только слышать. Жужжание кондиционеров, шаги, дыхание вервольфа, что меня вел. Лифт. Поездка вниз. Урчание мотора автомобиля. Запах дорогой кожи и едва уловимый — освежителя воздуха. Остановки на светофорах, осторожное вождение... Я действительно была слишком ценным лотом: меня везли отдельно от других, с комфортом.

Я бы предпочла, чтобы эта поездка никогда не заканчивалась, но мы остановились. Распахнулась дверь, и меня снова потянули за локоть. Видимо, до этого мы выезжали с подземной парковки, потому что я впервые за несколько дней почувствовала дуновение ветра и крайтонскую сырость. Но это был лучший глоток воздуха в моей жизни.

Я наслаждалась этим всего ничего, а затем уличная про-

хлада закончилась, и с меня резко дернули мешок и сорвали шарф.

Как-то иначе я себе представляла место, где должны собираться грозные альфы: складские помещения, между которыми гулял ветер, потертая краска на стенах, заколоченные окна. Впрочем, долго насладиться пейзажами снаружи мне не дали, едва я обернулась, как меня бесцеремонно втокнули в одну из низких дверей. К счастью для меня, я высоким ростом не отличалась. К несчастью... здесь явно готовили аукцион.

Внутри просторного склада вместо штабелей каких-нибудь коробок или просто свалки и перекаати-поле из мусора обнаружили расставленные полукругом роскошные кресла. Перед ними была оборудована сцена, пока что задрапированная алыми бархатными портьерами. Выход на нее, очевидно, осуществлялся из другой части складского помещения. Сейчас здесь сновали помощники Шимлана, но помимо кресел и софитов я успела увидеть накрытые столы и алкоголь. Официанты, которые должны были обслуживать альф, очевидно, еще не подошли, но за сценой уже кто-то проверял громкость колонок, повторяя в микрофон:

— Раз... раз... раз...

Я не успела всем этим проникнуться и впечатлиться, меня быстро провели через зал и втокнули в очередную дверь. В отгороженной части пространства было значительно меньше, а еще было очень холодно. Если аукционный зал обогре-

вали — между креслами стояли пирамиды выше человеческого роста с нагревательными элементами внутри, то здесь, разумеется, ничего такого не было. Только стайка девушек, которые мгновенно переключились с разговоров на меня.

— А ты та самая новенькая? — спросила одна из девочек, высокая блондинка. Она не выглядела так, будто ее что-то беспокоит, скорее, находилась в крайней степени возбуждения.

Я же про себя отметила, что все они с расширенными зрачками, и что-то мне подсказывало, что это не от страха. Их явно чем-то накачали, чтобы раскрепостить и представить будущий товар лицом. Или чем они там собирались нас представлять?

За дверью остались волки, окон здесь не было, единственный источник света — массивная лампа на цепи под потолком, раскрывалась как атуитанское сомбреро.

— Та самая? — уточнила я. — Про меня уже ходят слухи?

Девушек было шестеро, и все одна моложе другой. Они хоть совершеннолетние тут? Я снова испытала знакомые чувства: ярость и бессилие.

— Конечно! — хохотнула стоявшая чуть поодаль брюнетка. — Мы все тут девственницы, но тебя собираются продать подороже. Имани, верно?

М-да. Кажется, из моего присутствия тайны никто не делал. Наоборот, Шимлан позаботился о том, чтобы обо мне узнало как можно больше людей и волков. Видимо, подогре-

вал интерес к аукциону и рассчитывал сорвать куш. Откусить бы ему член и засунуть в его собственную задницу! Как и тому, кто похитил мою мать!

Я не стала отвечать, потому что не хотела обсуждать собственное происхождение. Обратила внимание на то, что, как Дзя и сказала, все девушки одеты кто как. Каждая в своей одежде, никакого общего стиля, полупрозрачных пеньюаров или роскошных вечерних платьев.

— Что? — враждебно поинтересовалась блондинка в светло-сером брючном костюме. Она напоминала сотрудницу офиса, особенно с учетом того, что ее волосы были стянуты в тугой пучок. Видимо, девушка как-то по-своему истолковала мой взгляд, потому что напряглась.

— Думаю, почему мы не разряжены в пух и прах, — пожала плечами я.

— Альфа Шимлан считает, что надо представлять нас с нашим особенным шармом. Как я уже сказала, мы все тут девственницы, но помимо запаха девственницы у каждой из нас свой типаж. Свой образ.

Она вызывающе вскинула голову:

— Это тебя хоть во что одень, все равно все альфы будут сходиться с ума.

Я нахмурилась:

— Подожди... только не говори, что вы здесь по своей воле.

— Добровольно-принудительно, — снова хохотнула брю-

нетка. — Но лично я не против, чтобы все мои проблемы решал какой-то богатый волчара. Если для этого придется ему регулярно давать, фигня вопрос. Через Шимлана можно выйти действительно на крутого вервольфа, а не на этот одичалый молодняк, который ошиивается в «Шангриле» и в остальных клубах. У них там одни понты...

Перебивая ее, загрохотала музыка, которая сначала была очень громкой, а после стала потише, и в нее ворвался голос ведущего:

— Приветствуем вас, уважаемые альфы на аукционе, посвященном жемчужинам нашего мира. Женщинам, сохранившим свою девственность для вас!

Я с трудом сдержалась, чтобы не фыркнуть: с одной стороны, это звучало настолько омерзительно-пафосно, что было смешно, с другой... мне было совсем не смешно. Потому что такие же твари, как эти, похитили мою мать. Да, девственницей она не была, и ее вряд ли продали с аукциона — судя по тому, что мне удалось узнать. Но...

— ... наш первый лот! Девятнадцать лет, работает секретарем у государственной служащей. Рост — сто восемьдесят, вес пятьдесят семь! Идеальные формы и идеальная форма! Оцените сами! На сцену приглашается...

— Я пошла, — перебила блондинка и нырнула в сторону ниши, в которую еле-еле проникал свет от лампы-сомбреро. Я услышала, как цокают ее каблуки, а потом зал взревел.

— Пройдись, детка! — прорычал в микрофон ведущий.

— Покажи, что ты умеешь быть и хорошей девочкой, и строгой училкой!

Вот теперь я все-таки фыркнула. Правда, скорее от нерва: потому что до меня, наконец, дошло, что через полчаса, максимум через час, я тоже выйду на эту сцену. На меня будут пялиться альфы, похотливо, оценивая, выбирая, примеряясь... а потом... смогу ли я договориться с тем, кто меня купит, или стану пленницей, как моя мать?!

Я провалилась в собственные мысли, а в себя пришла и вздрогнула от приказа:

— Раздевайся!

Не сразу даже осознала, что он адресован не мне. Одна из девчонок нервно хихикнула в ответ на мой ошалевший взгляд, а брюнетка поинтересовалась:

— Что? Ты же не думала, что они будут покупать кота в мешке?

Вот тебе и типаж. И индивидуальность...

Я вся внутренне сжалась, как будто это мне уже сейчас надо было раздеваться перед взглядами волков, но в этот момент что-то с силой гроыхнуло. Девчонки завизжали, аккуратно в тот же самый момент, когда из зала донеслось рычание, вой и скулеж. С характерным басовитым звуком шмякнулся об пол микрофон, я бросилась к двери, чтобы понять, что там вообще происходит, но в этот момент гроыхнуло снова, а после дверь резко распахнулась.

— На выход! По одной!

— Вашу мать! — взвыла брюнетка и бросилась в нишу.

— Вашу мать!

Судя по визгу, где-то там ее и поймали, а я не стала испытывать судьбу. Стоило оказаться в зале, под прицелом взгляда сурового вервольфа, одетого как секьюрити первого лица Легории, в нос ударил запах крови. Я наткнулась взглядом на валяющегося на полу волка, дернулась и отвернулась, чтобы не смотреть. Нас всех вывели под дождь, отогнали к стенке, и в этот момент я увидела девицу, которая приносила мне еду. Она кому-то махнула, и я невольно проследила взглядом ее приветствие.

Из внедорожника под затихающий дождь вышел высокий, широкоплечий вервольф, которого я узнала сразу. Известнейший альфа Крайтона, Анхель Экрот. Сын Доминика и Шарлин Экрот. Той самой суки, которая написала эту проклятую книгу! Которая сломала моей матери жизнь.

Не узнать его было сложно. В нашем мире, где люди и вервольфы столетиями будто находились на разных полюсах, рождение ребенка от сильнейшего альфы и человеческой женщины стало сенсацией и прогремело на всех континентах. Анхель Экрот еще ходить не научился, а уже был гребанной суперзвездой! Как они из этого телешоу не сделали, не представляю, но сам факт изменил все, в том числе мою жизнь.

Как же я ненавидела Экротов! Презирала и желала им

много всего хорошего. Но до этого дня они были лишь звездами с обложек журналов, известными личностями из сети. Теперь один из них стоял передо мной во плоти, и я... Я... Я не знала, чего я ожидала! Когда-то я думала: если встречу одного из Экротов, прибую его за то, что они натворили. Но даже в самых смелых и безумных фантазиях я не могла представить, что действительно пересекусь с этой скотской семейкой. А еще, глядя на Анхеля, я поняла, что мой план насчет прибить здесь бы не сработал.

Я не следила за ним или за его жизнью, просто несколько лет назад видела на фото с какой-то дружественной встречи с вилемийским королем. Теперь понимала, что зря не следила. Например, неплохо было бы уточнить его рост. Анхель на голову возвышался над присутствующими вервольфами. При этом он не был качком или «грудой мышц», скорее обладал хищной грацией, когда двигался. А еще, я готова была откусить себе язык, если в этом кому-нибудь признаюсь, но он оказался самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала. Не смазливый, нет, а таким как на картинах рисуют небесных стражей Владыки: светлые, зачесанные назад волосы, невероятно мужественные черты лица, взгляд, словно выстрел в грудь и навывлет...

Как бы банально это ни звучало, мое сердце пропустило удар, когда он на меня посмотрел. А когда двинулся навстречу, подошел ближе... Стоило мне вздохнуть его мускусный аромат, насыщенный, яркий, меня буквально пове-

ло. Колени подогнулись, по телу разлился жар, а пульс, наверное, скакнул за грань всех мыслимых и немыслимых показателей. Между ног жарко запульсировало, соски напряглись и стали чувствительными, во рту все пересохло от жажды. Мне одновременно захотелось упасть к его ногам и умолять взять меня или бежать отсюда как можно быстрее. Потому что это было совершенно ненормально! Потому что никто, ни один мужчина, вервольф или человек, не вызывал во мне такого жгучего возбуждения. Если честно, вообще никто не вызывал, а сейчас я готова была растечься распутной лужицей. Перед *ним*. Перед Анхелем Экротом!

Дурман желаний, захватившего мои мозги, был силен, но я попыталась собрать себя по осколочкам. Это все ген «И» и отсутствие антигена в моей крови! Вот мои взбунтовавшиеся гормоны и выбрали самого роскошного самца в округе. Не зря же все альфы и не только охотятся на имани: потомство от мне подобных рождается сильным и здоровым. Очевидно, Экрот действительно особенный, на него все девушки западают. Только я не одна из них!

Со своей реакцией на него я как-нибудь потом разберусь, главное, сейчас оказаться от него, как можно дальше...

— Ее я забираю с собой, — стало для меня приговором. Это было как удар под дых, как быть перекинутым через плечо в спарринге. У меня почва ушла из-под ног, особенно, когда я поняла, что меня тащат в его машину.

— Ты не имеешь права! — зарычала я. Отдайте меня

полиции, пусть разбираются с поддельными документами. Пусть депортируют меня в Трицию! Всяко лучше, чем оказаться рядом с Экротом в тесном пространстве автомобиля.

— На имани? — усмехнулся этот мерзавец. — Как раз имею.

Никто не пошевелился, не попытался мне помочь, и я поняла, что Анхель действительно имеет право меня забрать. Да он имеет право даже поймать меня на заднем сиденье собственного внедорожника, и никто ему ничего не сделает!

Самым ужасным во всей этой ситуации было, что проснувшаяся во мне суть имани этого только жаждала. Потянуться к ремню его стильных брюк, расстегнуть ширинку, обхватить руками член и накрыть губами, втягивая в себя. Сосать ему, пока мы едем... Куда мы там едем?

Картинка была настолько пошлой и возбуждающей, что я почувствовала, как у меня намокло белье. Пришлось яростно стиснуть бедра и отодвинуться от Анхеля как можно дальше. Еще бы и от аромата его отодвинуться. Яркого, острого, словно восточные специи. Мне хотелось дотянуться до него, тереться об него, словно кошка, учуявшая оливки.

Я всегда гордилась своим контролем, своей невозмутимостью в любой ситуации, но Анхель, мать его, Экрот показал мне, что вся моя выдержка не стоит абсолютно ничего!

— Итак, Мишель. — Голос у него тоже был как те самые оливки. Одурачивший. Глубокий. Сексуальный. От него по моей коже побежали мурашки.

— Прима Монро, — процедила я. Я всегда ненавидела его и его семейку, но сейчас моя ненависть словно вышла на другой уровень. Словно Экрот забрал последнее, что у меня оставалось — мою власть над собственными желаниями.

— Мишель, — повторил волчара, издеваясь. Имя будто ударило по моим взбудораженным нервам, и я дернулась. — Расскажи, как докатилась до жизни такой.

— Ничего я тебе говорить не буду!

Я сорвалась, действительно сорвалась. А кто бы не сорвался на моем месте? Когда хочется расцарапать это прекрасно-мужественное лицо, а затем долго и со вкусом заливать следы царапин. Даже его потемневший взгляд не мог меня остановить. Да даже опущенная между нами и водителем перегородка!

— Давай сначала, — нахмурился Анхель. — Ты не знаешь, кто я такой.

— Я знаю, кто ты такой! — выпалила я и выдала ему все, что о нем знаю. Про то, что он альфа, и про слух о том, что право возглавлять стаю досталось ему нечестным путем. Его папочка просто решил отойти от дел, большей проводить времени со своей сучкой-женой, сыночку же намеренно проиграл в битве за место вожака.

Меня крыло от его присутствия, поэтому несло. Мне хотелось пошатнуть его контроль с той же легкостью, что сделал он. И у меня это получилось, после моего:

— Пошел в жопу, Анхель! — его глаза широко распахнулись, а брови взлетели вверх.

Но насладиться собственным триумфом я не успела, потому что оказалась у него на коленях, надежно зафиксированная, как кошка в руках опытного ветеринара. Дались мне эти кошки и ассоциации с ними! Я человек! Но почему-то от рычащего обещания:

— В жопу так в жопу. Все, как ты пожелаешь, — внутри все сводит от жажды почувствовать Анхеля на себе и в себе.

Я задыхаюсь, когда он с нажимом проводит носом по моей шее, когда тянет за волосы, не позволяя увернуться. Я оказываюсь распластанной по альфе, и это так остро, что, кажется, это шиплю не я, а остатки моей выдержки, моей гордости:

— Пусти!

Владыка, это даже звучит как приглашение! Откуда у меня такой грудной секси-голос? Я еще никогда в жизни так блудливо не звучала.

— Подожди, я еще не сходил в жопу, в твою аппетитную маленькую задницу, радость моя.

Он прикусывает кожу на моей шее, а я вонзаю пальцы в каменные плечи. Мне надо его оттолкнуть, надо оттолкнуть, попытаться сопротивляться этому наваждению. Но это сильнее меня. Бесов Экрот действует на меня словно мощный афродизиак!

— Тебе это нравится? — спрашиваю я, глядя ему в глаза.
— Нравится издеваться?

Вопрос риторический. Конечно, ему нравится. Шимлан говорил, что у альфа хер встает колом, когда добыча сопротивляется. Так интереснее играть и ломать. То, что у него стоит колом, я прекрасно чувствую задницей. Слои одежды не кажутся мне достойной защитой, а для гена в моей крови это и вовсе непростительная помеха.

Экрот заставляет меня запрокинуть голову, и я чувствую себя максимально беззащитной: все во мне сжимается от трепета, не будь я настолько возбужденной, испугалась бы. Слова Анхеля с трудом доходят до моего взбудораженного сознания. Он приказывает мне рассказать всю мою историю: кто я такая, и почему у меня нет регистрации. Что я делаю в Крайтоне и как попала на аукцион. Но единственное о чем, я сейчас могу думать — это о его члене под своими ягодицами.

— ... от того, что ты скажешь, зависит, какой будет наша с тобой история, — его слова выдергивают меня из похотливого киселя, в который, кажется, превратилось мое сознание. Слова или то, как он ослабляет свою хватку.

Моя история длинная и сложная, но она о контроле разума над чувствами, и тем более над звериными инстинктами. Я не просто так годами употребляла антиген, чтобы однажды раздвинуть ноги перед подходящим самцом. Моя история — напоминание мне самой, что я человек.

Туман возбуждения не проходит, но он словно немного рассеивается, возвращая мне меня.

— У нас с тобой не будет никакой истории! — выплевываю.

ваю я с удовольствием в глаза Экроту.

Но наслаждаюсь своим триумфом лишь мгновение, потому что резко оказываюсь лежащей на кожаном сидении. Под ним.

Глава 4

Анхель Экрот

Девчонка пахла так сладко, как никогда и никто. При том, что я неоднократно пересекался с имани, конкретно эта благоухала как чистый неразбавленный секс, созданный исключительно для меня. Под меня. Еще мгновение — и я содрал бы с нее эти брюки-обноски и сделал своей, но именно осознание этого и стало как удар под дых. Именно эта ее исключительность отрезвила. Осознание того, что она вполне может оказаться тем же ядом-наваждением, как мать для отца...

Я резко оттолкнулся и сел, вздернул ее за плечи. Она смотрела испуганно, словно сама не понимала, что с ней происходит, но я мог поклясться, что все она отлично понимает, эта Мишель.

— Едем в полицию или ко мне? — уточнил я.

Девчонка сверкнула глазами. Я ждал.

Я не собирался играть в эти игры с манкой истинностью имани, мне оно нахрен не надо. Особенно в первый год правления, когда все перевернулось с ног на уши, а бесов Шимлан творит что хочет у нас под носом.

— Смотря что ты можешь мне предложить, — она обхватила себя руками, и я нажал кнопку связи с водителем.

— Сделай теплее. Наша гостья замерзла.

Последнее прозвучало почти издевательски в виду нашего с ней... незадавшегося общения. В салоне сразу стало жарко, мой взбудораженный недостижимой близостью желанной имани волк тут же недовольно зарычал, желая открыть окно, а я повернулся к ней и посмотрел в упор. Глаза в глаза.

— Наглости тебе, конечно, не занимать, Мишель, — произнес я. — Но я тебя слушаю.

— Я здесь, чтобы найти свою мать. Натали Монро, она пропала в Триции пятнадцать лет назад.

Я присвистнул. Пятнадцать лет — не просто большой срок, это охренительно большой срок. Но...

— Я работала с частными детективами со всего мира, — произнесла девчонка, — и один из последних прислал мне отчет, согласно которому моя мать находится в плену у шакалов. Мне нужно, чтобы ты помог мне узнать, правда ли это, и если да — чтобы помог ее вытащить.

Похоже, Мишель решила идти ва-банк. Из файла досье, который был у меня, я знал, что ее мать действительно пропала. Она не лжет.

— Как ты оказалась на аукционе?

— Каком кверху, — выдала Мишель.

— Сдается мне, тема задницы тебя не отпускает. Но попробуй еще раз, если хочешь, чтобы я тебе помогал.

— Пришла в «Шангрилу».

Не девчонка, а просто кладезь информации.

— И?

— И меня схватили. Потому что у меня произошел сбой цикла, а антиген не сработал, — процедила она.

Антиген? Ну охренеть.

— Ладно, предположим. Ты все это время ширялась за прещенным препаратом с черного рынка? Чтобы скрыть свою суть, суть имани?

— Бинго! — Она хлопнула в ладоши. — А знаешь почему, Анхель? Потому что такие как ты похитили мою мать. Такие как ты не давали бы мне прохода, и в итоге я бы стала собственностью одного из вас! Только потому что во мне этот бесов ген И!

— Насчет таких как я, золотце, — я хищно улыбнулся, — таких больше нет. Ну а что касается гена И... не думаю, что это хуже, чем выйти за какого-то смазливового студента-очкарика и растить его соплежуев, пока он просаживает штаны за компьютерными играми.

Она широко распахнула глаза. Потом, напротив, прищурилась:

— Никто не давал вам права решать нашу судьбу! Мы вольны выбирать сами.

— Да-да, конечно, — хмыкнул я. — Ты мне тут уже выкастила список требований и претензий на два хорошеньких договора, из чего я делаю вывод, что ты больше хочешь в полицию. Будешь рассказывать про антиген, частных детективов и прочее вполне себе штатному детективу полиции Крайтона. После чего тебя в лучшем случае просто депортируют.

— Не надо меня пугать, Анхель, — она снова зло прищурилась. — Я не боюсь.

— Да кто же тебя пугает, — я пожал плечами. — Я просто обрисовал перспективу.

Почему-то этой самой Мишель удавалось не просто одурачивающе пахнуть, этот огненно-рыжий афродизиак на ножках еще и — за все время нашей короткой поездки — пару раз чуть не затянул меня в свои провокации.

Ни одна женщина. Никогда. Не будет мне стоять моего контроля. Поэтому правильным было действительно развернуться, отвезти ее в полицию, сдать на руки дежурным, и пусть бы ей потом занялась Тара.

Но волк внутри воспротивился настолько, что я, нахрен, понятия не имел, что с этим делать. От этого злился еще больше, но, к счастью, Мишель подсказала выход сама:

— Хорошо, Анхель. — Как можно хрустеть моим именем на зубах, как битым стеклом, я не представлял, но ей это удалось. — Что ты хочешь за свою помощь?

В голову пришла странная идея. Дикая и в то же время освобождающая. Я хотел эту Мишель. Мой волк хотел ее присвоить, сделать своей. Навсегда. Думаю, в этом вопросе нам с ним придется найти компромисс, потому что, как показывает практика, хорошо оттраханная имани перестает иметь ценность как недосыгаемая мечта.

— Хочу тебя. Не навсегда, — я перебил ее раньше, чем она успела возразить. — Заключим договор, и ты станешь

моей. На год. За это время я найду твою мать, где бы она ни была, а после ни один альфа к тебе не приблизится. Потому что официально ты все еще будешь моей, а неофициально сможешь строить свою жизнь как захочешь. Путешествовать. Кайфовать. Да хоть рожать спиногрызов на личном острове от наложников с опахалами. Отступными я тебя обеспечу.

Зверь внутри зарычал от такого варианта развития событий, но я лишь поморщился. Одна из особенностей рожденного от альфы и имани — возможность с легкостью контролировать своего волка. Для таких как я это гораздо проще, чем даже для самых сильных чистокровных альф.

— Идет? — холодно спросил я.

— Мне не нужны твои отступные, — выплюнула Мишель.
— Просто найди мою маму.

Она отвернулась, посмотрела в окно: мы как раз ехали через исторический город, где остатки крепостной стены крайтонской крепости напоминали о нашем кровавом прошлом. Передернула плечами и произнесла:

— Я согласна.

Мишель Монро

Я согласна.

Один лишь Владыка знает, чего мне стоило вытолкнуть из себя эти слова! Хотя стоимость была у всего. У всех. Просто

кто-то берет деньгами, кто-то безопасностью, кто-то информацией... Я ненавидела вервольфов, ненавидела Экрота, но если кто-то был способен найти мою мать, не просто найти — освободить ее из рабства, то именно этот альфа.

Наверное, я совсем отчаялась, если решила продать себя. Свое тело. В рабство. На год. Вервольфу! Но я действительно отчаялась. Я искала маму, но натыкалась на стены. Раз за разом заходила в тупик. Мне не хватало ресурсов. Связей. Возможностей. У Экрота они были. У него было все.

И он хотел заполучить меня.

Хочу тебя.

Ничего более возбуждающего и будоражащего я в жизни не слышала. Его рычание, похожее на шепот, стелилось пламенем по коже. Я прекрасно почувствовала, насколько сильно он хотел меня. Ощутила бедром его ствол.

Я не знала радоваться этому или нет. Пока не определилась. Потому что моя осторожность вопила мне на ухо: скажи, чтобы он отвез тебя в полицию. Вернись домой. Откажись от поисков. Ты и так попала в ловушку, не загоняй себя в еще большую задницу.

Я криво усмехнулась, вспомнив о словах альфы про тему задниц. Что поделать, если моя жизнь, не считая детства, напоминает филейную часть?

С полицией мы все проходили: они не помогут. А *он* может.

Наверное, я сошла с ума, если так думаю, но... Анхель

мог взять меня прямо сейчас, на заднем сидении авто, выдрать меня, не спрашивая, а из-за долбанного гена И я бы была даже не против. Рядом с ним мой контроль будто разжижался. Я горела вся. Но он не стал, предложил контракт. Возможно, именно это — то, что он, мать его, весь правильный вервольф, и побудило меня согласиться.

Он поможет, или не поможет никто. Если ради этого нужно немного потерпеть, ничего страшного. Это лучше, чем быть проданной Шимланом каком-то уроду навсегда или отказаться от поисков мамы и до конца своих дней мучиться чувством вины, что не сделала все, что могла!

Год, Миш. Это всего лишь год.

По крайней мере, я себя в этом убеждала, пока мы ехали. Отвернувшись к окну и зажала ладони между коленей. Экрот с кем-то переписывался в телефоне, и я больше не нарушала наше хрупкое молчание. Я и так много всего наговорила. На год вперед! Плюс легче совсем не стало: меня продолжало будоражить от мускусного аромата вервольфа. Ген имани, вся моя природа требовала вернуться к тому, на чем мы остановились, и это злило.

Смогу ли я контролировать себя в этих деловых отношениях?

Меня все еще потряхивало, когда внедорожник въехал на мост, покидая историческую часть города и направляясь в новую, более современную, где небоскребы словно пытались дотянуться до неба. К одной из таких громадин из стекла и

металла мы подъехали, а затем нырнули на подземную парковку и остановились на козырном месте возле лифтов.

Анхель вышел из автомобиля, и я быстро толкнула дверь со своей стороны, вылезая раньше, чем он обойдет машину.

— Нетерпеливая, да? — усмехнулся он, оказываясь рядом со мной. У меня загорелись уши, потому что почудилось, что речь вовсе не о моем желании держаться от него подальше. О другом, гораздо более чувственном желании.

Я вздрогнула, когда на мои плечи упал его пиджак. Меня мгновенно окутало теплом альфы, словно укрыло его ароматом, поэтому я едва поборолла инстинктивный порыв этот пиджак стряхнуть. Это было как минимум невежливо по отношению к тому, кто собирался мне помочь.

Мы шагнули в ультрасовременный лифт, Анхель провел ключом возле датчика, и нас быстро подкинуло вверх. Я постаралась отодвинуться от него настолько далеко, насколько позволяло ограниченное пространство, но в следующую секунду забыла обо всем на свете. Потому что этажи с парковками закончились, и стены лифта оказались прозрачными. От вида ночного, сияющего множеством огней Крайтона захватывало дух. Передо мной раскинулись извивающаяся змеей река, впадающая в темное море, перекинутые через нее мосты, самое большое в мире колесо обозрения вдали, как колесо волшебной кареты, огромная луна, выглядывающая из-за серых облаков.

То ли от красоты, то ли от скорости лифта, у меня залю-

жило уши, и я покачнулась, когда прозрачная капсула все-таки остановилась на нужном этаже. Экрот тут же сжал пальцы на моем локте, вроде бы невинно, но меня словно током ударило. Отвлекло.

— Ты когда в последний раз ела? — яростно поинтересовался он.

— Утром, — призналась. — Кажется.

— Кажется? — прищурился альфа.

— Там, где меня держали, не было окон и часов.

Анхель грязно выругался, а затем потянул меня за собой из лифта.

«Беги, пока не поздно», — просигналила мне интуиция, но дверь за спиной захлопнулась с мягким «дзынь».

Поздно. Я в западне.

Теперь я поняла, почему Экрот подносил ключ на парковке: мы оказались прямо в огромном холле квартиры. Преобладающий стильно-черный, кожа и дерево в интерьере даже не намекали, а сообщали открытым текстом, что холостяцкой. Холл заканчивался роскошной гостиной с диванами, на которых вполне могла разместиться парочка команд по футболу, и громадной сияющей серебристой трубой, спускающейся с потолка, в которой я с трудом угадала камин. За диваном и камином расстилался тот же прекрасный вид, что и из лифта: панорамные окна позволяли все рассмотреть до мельчайших деталей.

Помимо гостиной я заметила множество дверей, уводящих налево и направо, но что за ними, оставалось только догадываться.

— Всегда считала, что вервольфы любят селиться поближе к земле, — заметила я, чувствуя себя очень неуверенно в таком большом пространстве. Здесь все просто дышало богатством и роскошью. Я споткнулась, зацепившись взглядом за картину на стене, с которой на меня скалился белоснежный волк. Это что, Гимер? Нет, наверное, репродукция. — К природе.

— Еще одно доказательство того, что на самом деле ты ничего обо мне не знаешь, Мишель, — раздался голос Анхеля издалека.

Я так увлеклась рассматриванием репродукции всемирно известного художника, что не заметила, как альфа скрылся за одной из дверей. Пришлось его догонять.

К счастью, это была не спальня. С чего бы мне думать про спальню? Может, потому что постель входила в наше соглашение. Но это оказался кабинет, такой же давяще мужской и «панорамный», что я поежилась: мне здесь было некомфортно.

Экрот вручил мне планшет со стилусом.

— Пока мы ехали домой, мои юристы успели переделать стандартный договор любовницы вервольфа под наши обстоятельства. Изучи его, завтра обсудим правки.

— Завтра? — удивленно-облегченно выдохнула я.

— Не терпится приступить к выполнению своих обязательств? — опасно усмехнулся альфа.

— Наоборот, радуюсь отсрочке, — вернула ему шпильку. Он нахмурился.

— Через десять минут тебе доставят ужин. Твоя спальня напротив кабинета.

Я уже собиралась сбежать: нам нужно было обсудить много всего, но на сегодня Анхеля Экрота с меня достаточно, как он перехватил меня возле дверей.

— И, Мишель... — прошипел он мне на ухо. — Побольше энтузиазма, иначе я могу и передумать.

— Обязательно внесу это в наш контракт!

В свою новую комнату я убежала, яростно раздувая ноздри, под его тихий смех.

В спальне, которую мне выделил Экрот, преобладали беж, белый и бронза. Смотрелось на удивление стильно и гармонично, не поспоришь: сразу видно, что поработал дизайнер, и дизайнер недешевый. Кровать, тумбочка, огромная гардеробная в нише, на полу ковер с густым кремовым ворсом. Раздвижные панорамные окна демонстрировали балкон, на котором стояло кресло. Ограждение тоже было стеклянное, поэтому панораме такой финт ушами совершенно не мешал, наслаждаться ей можно было как из комнаты, так и с балкона.

Сразу видно, что комната создавалась для девушки, потому что, заглянув в гардеробную, помимо стандартных пере-

кладин с вешалками-близнецами и отделений я обнаружила множество автоматизированных выдвижных ящиков для туфелек и сумочек, подставки для украшений, здесь было и зеркало в полный рост, и туалетный столик с зеркалом с лампами, как в гримерке. Выглядела комната холодной и нежилой, но мне смутно верилось, что до меня у Экрота не было ни одной любовницы. Имани, волчица, женщина-человек — кем бы она ни была, мне почему-то захотелось ее покусать.

«Потому что у тебя первая овуляция без антигена, дура, — неласково сказала я себе, — а перед тобой всем самцам самец».

Чтобы не думать об этом, я плюхнулась на пуфик рядом с туалетным столиком и принялась изучать выданный мне переделанный «стандартный договор любовницы вервольфа». Юристы Экрота уже умудрились вписать туда мой персональный айди (тот, который Мишель Монро, а не который Нины Рудвик), у них были все мои данные, которые, по идее, не должны были быть... но они были. И в этот момент я задумалась о том, какой же властью на самом деле обладает Экрот, если может получить такую информацию за — сколько мы там ехали, минут сорок? И то, договорились мы на полпути, значит, двадцать? Или это произошло за пару минут, пока я мокла у складских помещений?

Владыка!

Глубоко вздохнув, я погрузилась в чтение. Не знаю, как выглядел договор до встречи со мной, то есть до переделки,

но этот напоминал самый обычный деловой контракт. В нем оговаривалось, что стороны заключают его по обоюдному согласию, что Экрот обязуется обеспечивать меня всем необходимым для комфортной жизни в Крайтоне. Мне полагалась такая сумма на карманные расходы, на которую раньше мы с отцом жили месяца три. При том, что большая часть этих средств уходила на детективов и поиски по всему миру.

Мне полагалась машина, планшет для работы или учебы, новый смартфон, новый гардероб в соответствии с пожеланиями альфы Экрота. Вот тут я поставила знак вопроса. Жирный такой вопрос. Если ему вздумается одевать меня в тонкие ничего не прикрывающие тряпочки, полосочки и каблуки, и в таком виде заставлять ходить по дому — я пас.

«Вздумается — и будешь ходить, Миш», — мелькнула мрачная мысль. Потому что на кону слишком многое. Ладно, будем торговаться. Он не знает, что я привыкла жить достаточно скромно и по средствам, а значит, я могу сказать, что взамен на право самой выбирать одежду и образы я откажусь от карманных расходов. Такие как Экрот очень хорошо умеют считать, должно прокатить.

Помимо прочего, мне полагался личный водитель, один выходной в неделю (то есть день, когда я полностью могу распоряжаться собой и своим временем, о-хре-неть!), на этом положительные стороны договора заканчивались, и начинались... скажем так, обязанности.

«Имани обязуется выполнять все приказы альфы, как ес-

ли бы она была волчицей его стаи, незамедлительно и беспрекословно».

Угу. Ага. Конечно. Сюда я тоже вклеила вопрос.

«Имани признает, что на время действия данного договора она является собственностью альфы, а значит, должна являться к нему по первому требованию и в течение времени, которое необходимо для того, чтобы до него добраться».

Чем дальше я читала, тем сильнее скрипела зубами, я даже стук в дверь не сразу слышала: принесли еду. Блюда явно были заказаны из дорогущего ресторана и пахли так умопомрачительно, что я ненадолго забыла обо всех плюсах, минусах и обязанностях. Со мной такое случалось: на стрессе я частенько переставала хотеть есть, а поскольку стресс был моим частым спутником, я могла запросто такое не заметить. Но стоило ароматам ударить в мой нос, как меня повело. Не ощутив ни малейшего неудобства — предполагалось, что есть в этой комнате никто не будет, я набросилась на все принесенное, жевала, сидя на постели и прямо с тележки, на которой еду привезли. Я всосала салат, горячее и десерт — восхитительный крайтонский слоеный пирог из легкого теста с ягодами, наверное, за полчаса.

После этого меня начало вырубать, поэтому про свои обязанности, в том числе сексуальные, я читала, запивая зевки ароматным травяным напитком. Вычеркивая пункты, которые звучали для меня неприемлемо. После перечисления всех прав и обязанностей шли стандартные пункты о нераз-

глашении, форс-мажорах и прочее бла-бла-бла. Я сделала себе пометку обязательно вписать пункт про обязательства в отношении матери и собралась в душ.

Вот сейчас только парочку минут полежу — и пойду. В ванную комнату (разумеется, она была у меня своя) я еще не заглядывала, но была уверена, что там найдется все необходимое...

Следующей моей мыслью было уже: какого хрена? Потому что проснувшись я от заглядывающего в комнату солнышка — блэкаут шторы никто вчера не закрыл, и с ощущением, что во рту то ли сдохла, то ли насрала целая стая.

Иу!

Подушка была залита слюной: я вырубилась как заигравшийся волчонок, от ботинок остался грязный след на кровати.

Дважды иу!

Я не была ипохондриком, но и грязнулей я тоже не была, поэтому сейчас поморщилась, сдернула испачканное покрывало на пол и побежала в ванную. Она и впрямь была полностью укомплектована, хочешь джакузи, хочешь просторная душевая кабина, халаты, полотенца, гели для душа и зубные пасты, шампуни, тапочки...

Я с наслаждением постояла под душем: в кои-то веки можно было не заморачиваться по поводу камер, здесь их не было. Мне кажется, я давно так не мылась, до скрипа волос, с

кайфом смывая ароматную пену с кожи. А после завернулась в халат, закрутила волосы в полотенце и вышла на балкон.

Утро выдалось довольно прохладным, поэтому свежий воздух радостно покусал меня за ноги. Я поежилась и собиралась уже вернуться назад, чтобы раздобыть себе чашку кофе, но увидела, что с балкона есть выход направо. Разумеется, увидеть и не сунуть туда нос — это не про меня.

Я обогнула стеклянную стену и вышла к персональному огромному инфинити-бассейну с кристально чистой, как слеза, водой. В котором уже мощными гребками рассекал воду не кто иной, как владелец всей этой роскоши. Небрежно брошенный черный атласный халат лежал на шезлонге, а Анхель Экрот был абсолютно голый.

Осознание этого, а еще вид его сильного гибкого тела опалило мои щеки жаром. Да что там, я мгновенно забыла об утренней прохладе напрочь, словно у меня скакнула вверх температура. Жарко, мгновенно стало очень жарко, во рту пересохло от волнения. Мне стоило развернуться и убежать к себе, пока он меня не заметил. Но я примерзла к месту, хотя в данном случае вернее было сказать — притаяла. Потому что жар разлился внутри, и все, о чем я могла думать: тоже стянуть халат вместе с полотенцем и присоединиться к *нему*. Прикоснуться к нему...

Да бесы заberi этот глупый ген! Как нам вообще сотрудничать, если у меня мозги текут всякий раз, когда я его вижу?!

Справедливости ради можно было отметить, что я впервые видела Анхеля в чем мать родила. Он был словно соткан из золота: золотые волосы, золотая загорелая кожа, золотая поросль волос на груди, подчеркивающая его мужественность...

Я затрясла головой, чтобы избавиться от наваждения, и поняла, что надо не просто уходить — бежать отсюда. Если не из пентхауса, то хотя бы подальше от бассейна. Но уходить было поздно: меня заметили.

Анхель подтянулся, отчего его мускулы невероятно сексуально очертились, с легкостью запрыгнул на край бассейна, а затем поднялся. Если до этого я залипала на то, как он двигается в воде, теперь же я могла оценить, как он двигается ко мне.

Рассмотреть все! Всего Анхеля Экрота!

Я с каким-то свистом выдохнула звук из легких, потому что мне стало так горячо, как никогда не было. Капельки воды стекали по его коже, солнце ласкало его лучами, он шел в мою сторону, а я могла только ресницами хлопать. Вербольфы вообще славятся своей формой, но Экрот был каким-то идеальным. Рельефным, золотым, огромным... Да-а, ниже пояса тоже было все отлично. Не сказать, чтобы я много мужчин видела обнаженными, но его член был длинным, большим и... возбужденным.

— Эффективнее будет стряхивать воду, если снять полотенце.

— А? — не поняла я.

Он остановился в шаге от меня, и у меня, кажется, отключились мозги. Как еще объяснить, почему я по-прежнему стою на месте, жутко краснею и не могу перестать лапать его взглядом.

— Если мотать головой, — хмыкнул Анхель, — это действительно помогает избавиться от лишней воды, но только без полотенца. Собаки придумали это до нас.

— Ты меня сейчас сравнил с собакой? — Я сжала кулаки, но и обрадовалась тоже. Потому что злость вернула мне меня: из состояния подтаявшего мороженого в девушку с мозгами.

— Нет, — Анхель покачал головой и рассмеялся, — собаки не интересуют меня в том смысле, в котором интересуешь ты.

Смех в его взгляде мгновенно растаял, когда он пробежался по мне взглядом: нырнул в вырез халата, коснулся ног в тапочках и вернулся к лицу.

— Для моего интереса на тебе слишком много одежды.

— На тебе ее вообще нет! — напомнила я. — Может, оденешься?

— Может разденешься? — в тон мне предложил он.

А я задохнулась от этой мысли. От самого осознания, что рано или поздно я окажусь перед ним полностью обнаженной. Совсем. И он меня не рассматривать будет, он будет...

— Мы не подписали договор, — с шипением вырвалось

у меня.

Анхель склонил голову набок и больше не выглядел веселящимся. Скорее, серьезным, опасным, хищным...

— Но ты меня видела, а я — нет.

Видела, и дело было не в том, что я видела его голым. Я видела его в деле. Его стая накрыла нелегальный аукцион, он спас меня, он собирался искать мою мать... А я не могла просто раздеться перед ним. Раздеться, лечь с ним в постель или куда скажет. Там в контракте прописано, что я должна ему во всем подчиняться, прибегать по первому зову.

Я вцепилась в махровый халат до хруста в пальцах, не решаясь сделать первый шаг, Экрот же стоял и ждал. Я была ему благодарна за то, что не давил, и одновременно за это ненавидела. Потому что попробуй он сказать, что сделке конец, если я сейчас не встану перед ним на колени, попробуй манипулировать, я бы сбежала. Отказалась бы от всего. От сделки, от этого наваждения. Потом бы грызла себя за трусость, но...

Но он промолчал.

И тогда я дрожащими пальцами отодвинула ворот халата в одну сторону, а затем так же медленно в другую. Стянуть с себя хлопок целиком мне смелости не хватило, но у меня под халатом совершенно ничего не было. Только голая я. Поэтому я просто распахнула полы, все-таки обнажая себя перед Экротом. Прохлада тут же коснулась кожи: мои соски заострились, по телу побежали мурашки. Но все это ни шло ни в

какое сравнение со вспыхнувшим во взгляде альфы жадным желанием.

Глава 5

Анхель Экрот

То, что имани проснулась, я почувствовал еще в своей спальне. Почувствовал не только я, но и мой волк, и все в моем теле сразу пришло в боевую готовность. Что, мягко говоря, раздражало. Не утренний стояк, к этому я привык, а еще привык что в моем доме зачастую тусили красотки, которые обеспечивали недурственную разрядку. Раздражало другое: то, что этот стояк на одну конкретную особь. По имени Мишель.

Я родился первенцем сильнейшего альфы Крайтона и имани, и с детства видел, как мать влияет на отца, а отец на мать. У них, помимо крышесносного притяжения, была еще и любовь, и все это выливалось в такие умопомрачительные игрища, от которых зачастую приходилось восстанавливать комнаты и покупать новую мебель.

Хотел ли я такого же для себя? Определенно нет. У меня было пятеро младших: трое братьев и две сестры, отец сходил по матери с ума, мать сходила с ума по нему, и, казалось бы, с чего бы мне не хотеть того же? Дело было не только в том, что сейчас мне нужно заниматься делами стаи и ловить этого угребищного Шимлана, чтоб у него лапы узлом завязались. Дело было в том, что при всей нашей семейной идиллии в перспективе я хотел для себя волчицу.

Само собой разумеется, не сейчас. Позже, когда я разберусь со всем этим дерьмом, когда Крайтонский совет перестанет мне пенять на мою молодость и на то, что я — протеже отца. Я был не из тех самцов, которые до последней проплешины шерсти на заднице будут отрицать, что им важна семья и увешиваться гроздьями баб для демонстрации чувства собственной важности. У меня перед глазами был отличный пример родителей, и я понимал, что на меньшее просто не соглашусь.

Только на истинную, с которой мир обретет еще более яркие краски. На десяток волчат, которые будут скакать по полу, стенам, потолку и по нам. Совместные прогоны по лесу: при всей маминой силе она никогда не чувствовала и не понимала, что такое быть волком. Имани обладают обостренными инстинктами, но им никогда не обернуться. Им никогда не бежать сквозь лес вместе с нами, не кататься по листьям и сухим веткам, игриво рыча и покусывая друг друга.

Я не хотел западать на Мишель, потому что прекрасно понимал, чем это может кончиться. Видел на примере отца. Возможно, за такие отношения отсутствие возможности обернуться вместе со своей парой — не столь уж большая плата, но для меня это было важно. Поэтому вместо того, чтобы наведаться к ней в комнату и заняться обсуждением контракта и его пунктов в горизонтальной плоскости, я вытолкнул себя в бассейн.

Я редко включал подогрев, потому что мне нравилась хо-

лодная вода, и на такие случаи она отлично помогала. Но имани с какой-то радости вышла прямо к бассейну и, вместо того чтобы уйти, стояла и пялилась на меня. Не просто пялилась, пожирала меня глазами, от нее фонило сексуальным желанием, и этот аромат заставил тело вернуться к исходной позиции. Читай, в крайнюю степень возбуждения и полной боевой готовности, несмотря на ледяную воду.

Будучи девственницей, она неплохо справлялась со смущением. Хотя и покраснела, когда я вылез из бассейна и подошел к ней, сбежать все равно не пыталась, а острила и огрызалась так и вовсе как обычно. Подумав, что она сбежит, если я заставлю ее раздеться, я снова ошибся. Ее тело было совершенным. Мишель распахнула халат, и я увидел достаточно. Достаточно, чтобы пульс в ушах загрохотал с как пушечные выстрелы крепости Крайтона во время последней битвы с остатками Альянса.

Тонкие ключицы, аккуратная маленькая грудь с заострившимися от холода и возбуждения сосками. Изгиб талии, плоский живот и рыжий треугольник между ног. Белоснежная тонкая кожа, сквозь которую местами просвечивали сосуды, так и манила податься вперед, наклониться и втянуть ее аромат, который сейчас усилился до предела. Слизать влагу между ее ног и поставить на этом изящном теле столько меток, чтобы никто и никогда не усомнился в том, что она — моя.

Вместо этого я шагнул вперед, стянул полы ее халата так,

что Мишель стала похожа на нахохлившуюся птичку.

— Сегодня же сделаем тебе регистрацию, — сказал я, стараясь не думать про то, что мой член сейчас живет отдельно от меня и вообще меня не любит.

Упираясь в ее бедро даже через халат, он требовал, чтобы я погрузил его в это хрупкое тело или хотя бы ей в рот, между этих красивых пухлых губ.

— Я не хочу регистрацию... — начала было она, но я покачал головой.

— Ты будешь моей имани официально. Для этого тебе понадобится регистрация. И, разумеется, никакого антигена.

Она вспыхнула:

— Не тебе такое решать!

— Конечно же мне, — я щелкнул ее по носу. — Кстати, ты знала, что антиген подавляет либидо, а после его отмены ты можешь превратиться в обезумевшую самку?

У нее округлились глаза.

— Что? Твой дилер не поставил тебя в известность о таком побочном эффекте? Но мне это на руку, потому что у меня на тебя большие планы.

Вот тут я солгал: я никогда не трахал девиц под препаратами, перебравших или в принципе себя не контролирующих. Поэтому увы, но минимум неделю нам с Мишель придется выждать. А то пару недель.

Если бы мой член умел разговаривать, он бы сказал: «Я тебя ненавижу», но, к счастью, рулил здесь я.

— Еще он приводит к бесплодию. Подумай об этом, — закончил я. — Если вдруг когда-нибудь соберешься накачать-ся этой дрянью снова. Увидимся за завтраком, Мишель-вермишель. Обсудим контракт.

Теперь округлился уже ее рот, кажется, она собиралась ответить что-то совершенно нецензурное, но кидать мне ругательства в спину сочла ниже своего достоинства. Я хлопнул дверью и подумал о том, что после завтрака наберу кого-нибудь из девчонок и назначу встречу на вечер. Иначе я рискую не только наследниками (член просто готов был взорваться, нахрен), но и рукой, как прыщавый нескладный волчонок в период первого гона. А это совершенно точно не входило в мои планы.

Мишель Монро

Хорошей новостью было то, что Анхель Экрот не трахнул меня прямо там, на шезлонге, в качестве тест-драйва для нашего будущего контракта. Хотя я видела, а затем чувствовала бедром, что ему хотелось. Очень хотелось... Второй хорошей новостью стало то, что в нимфоманку я превращалась не рядом с ним, а из-за отмены антигена. Сомнительно хорошей, потому что это означало, что с контролем у меня в ближайшие дни будут проблемы, но такая причина моего постоянного перевозбуждения меня устраивала. Это наваждение скоро пройдет, и я снова стану собой. На этом хорошие

новости заканчивались и начинались дерьмовые. Одна хуже другой, если честно.

Экрот хотел, чтобы я была его официально. В смысле, официально-официально, с регистрацией. Он то ли не понимал, что стоит моему имени засветиться в базах, как через год, после окончания нашего контракта, на меня начнут охоту другие вервольфы, такие как Шимлан, для которых закон не писан, то ли ему было все равно. Анхель обещал мне защиту, но я понимала, что он мной наиграется, и свои дальнейшие проблемы я буду решать самостоятельно. Он сам заявил, что хочет меня на время! Вот как донести до него, что их долбаная система нас не защищает, а наоборот подставляет под удар? Что я хочу свободы ото всей этой истории с имани!

Второй «суперновостью», конечно же, была побочка антигена. Я никогда не тешила себя надеждами, что препарат полностью безопасный, но не думала, что он так сильно влияет на либидо. Значит, все мои попытки завязать отношения были обречены заранее. Я не то чтобы не хотела своих парней, я не хотела в принципе из-за действия антигена. Идеальная ширма, которой я пользовалась, на самом деле медленно разрушала меня. Возможно, даже убивала.

Еще он приводит к бесплодию.

Моя жизнь была больше похоже на шпионский блокбастер, чем на обычную, поэтому времени подумать о будущем, о семье, о детях у меня попросту не было. Но это не

означало, что я не мечтала однажды остепениться! Влюбиться в хорошего парня, купить маленький домик, подумать о том, что или кого оставить после себя в этом мире... Быть постельной игрушкой богатенького зажавшегося альфы — точно не предел моих мечтаний! Пусть даже при виде его мне хочется упасть на спину и мечтать о волчатах!

Это пока, Миш. Через неделю-другую это пройдет.

Вернувшись к себе, я обнаружила, что постель мне заменили и красиво застелили, как на фото из дорогих отелей. На покрывале же обнаружилось черное платье-рубашка (к моей радости, достаточно закрытое, длинной ниже колен) и пакет с нижним бельем (его наоборот было мало, тонкие телесечки с сеточками, цель которых заключалась в том, чтобы больше показывать, чем скрывать). Я предпочла не смотреть на стоимость, даже на осязание одежда ощущалась дорого: нежным прикосновением облекая тело. Моя одежда таким же волшебным образом исчезла, но я уже успела привыкнуть, что она гуляет без меня, поэтому решила не заморачиваться. Пока! Потому что я собиралась вернуть мои вещи, оставшиеся в общежитии.

И вообще обстоятельно обсудить контракт с Экротом. Но, покинув собственную комнату и появившись на кухне, от милой пухленькой вилемейки с бронзовой кожей и морщинками вокруг глаз, говорившей о том, что женщина очень любит улыбаться, узнала, что Анхель срочно уехал по своим делам.

Не знаю, что я почувствовала при этом: облегчение или разочарование? С одной стороны, мне не надо было сражаться с взбесившимися гормонами, с другой — чем скорее мы подпишем договор, тем скорее Экрот приступит к поиску мамы. Да, разочарована я была исключительно по этому поводу и не по какому другому!

Женщину, которая убиралась и готовила в квартире Анхеля, звали Росалия, и она мне сразу понравилась. Пригласила в гостиную, где меня ждал целый шведский стол. Не знаю, сколько ест Экрот, но я вряд ли справилась бы с той горой оладьев, колбасками, разными видами яичницы и поджаренными хрустящими тостами в одиночку. Правда, Росалия с забавным южным акцентом смущенно объяснила мне, что не знала мои вкусы, поэтому приготовила разного понемножку.

— Наше с тобой восприятие «понемножку» явно отличается, — фыркнула я.

— Вы, северяне, слишком худые, — нахмурилась она. — Но не бойся, я тебя откормлю.

— Даже не сомневаюсь!

Общаясь с этой простой душевной женщиной, я на минуточку забыла, где я и в какой ситуации застряла. Правда, ровно до той минуты, когда в столовую без стука всплыла высокая как жердь блондинка с холодным взглядом и в стальном брючном костюме. Волчица. Венс поражался моей способности определять вервольфов с первого взгляда: не у всех

людей это получалось, но я всегда угадывала. С первых секунд.

— Доброе утро. — Она растянула губы в дежурной улыбке, но тепла там не было ни на грамм, и устроилась на соседнем стуле, словно у себя дома. — Пожалуйста, кофе, Росалия.

Когда Росалия убежала выполнять заказ, холодная красотка все-таки повернулась ко мне.

— Кристина Дрейк, — представилась. — Помощница альфы Анхеля.

— Тогда вы в курсе, кто я, — ответила я.

— В курсе, — кивнула она. — Я здесь для того, чтобы оформить вашу регистрацию.

Началось.

— Альфа не поставил вас в известность, что мы еще не обсуждали этот вопрос?

Судя по выражению ее лица, либо не поставил, либо ей было плевать, либо и первое, и второе вместе.

— Насколько я понимаю, вы собираетесь подписать контракт, — снисходительно глядя на меня, произнесла волчица. Справедливости ради, она все-таки попыталась быть милой. — Одним из условий которого будет ваша регистрация.

— Нет.

— Нет?

Я покачала головой.

— У меня другая информация, — произнесла она.

— У вас ошибочная информация.

Наши взгляды скрестились. Пока мы смотрели друг на друга, Кристина явно пыталась понять, что из меня можно выжать и какую линию поведения со мной лучше выбрать. С одной стороны, я ей не нравилась: эта особенность, чувствовать отношение к себе, была сродни той, как легко я выпепляла волков среди людей, даже не самых сильных. С другой, я была новой игрушкой Анхеля Экрота и обижать меня вряд ли было стратегически верным.

— Поймите меня правильно, Мишель, — произнесла Кристина, — я работаю на альфу и представляю его интересы. Ваша регистрация — его приказ.

— Моя регистрация — еще и мое дело, помимо его приказа, — я сложила руки на груди. — Поэтому если вы здесь только за этим, у нас два варианта. Первый: вы можете настаивать, и тогда мы с вами поссоримся. Второй: можем выпить кофе, мило поболтать и дожидаться альфу.

Которому я в лицо выскажу все, что думаю, про такой произвол.

— Помимо вашей регистрации, у меня еще множество задач, — сухо произнесла Кристина. Кажется, до нее дошло, что продать меня не получится. — Если бы я каждый раз дожидалась альфу, когда что-то идет не так, я бы уже у него не работала.

— Понимаю, — кивнула я.

На этом понимание между нами закончилось. Судя по

всему. Потому что Кристина раздула ноздри и отвернулась, и тут появилась Росалия с кофе. Волчица пила его мелкими глотками и молчала, я тоже не спешила продолжать разговор.

— Между прочим, вы упускаете отличную возможность пройти регистрацию упрощенно, без визитов в соответствующие инстанции и бюрократии, — сообщила она.

Ей бы менеджером по продажам работать, а не помощницей альфы.

— Я это переживу, — честно ответила я.

А Экрот хорош. Подсуетился так подсуетился — обычно регистрация занимала от недели до месяца. Сначала надо было собрать документы и сдать кровь, затем, после того, как все «соответствующие инстанции» все проверяли и убеждались в том, что это не попытка какой-то предприимчивой дамочки проскочить в дамки, то есть приблизиться к альфам, желающим заиметь (поиметь, нужно подчеркнуть) персональную имани, тебя снова приглашали в офис. Там имани вживлялся чип, по которому ее можно было легко отследить. Например, если какой-то ушлый вервольф решил бы ее похитить. Хороша идея? Весьма. На практике куча имани пострадали от вырезанных чипов в том числе.

Тра-ля-ля-ля, конец баллады.

— Вы же понимаете, что альфа делает все, чтобы облегчить вам жизнь? — предприняла очередную попытку она.

— Сомнительно, — ответила я. — Вы же понимаете, что

после регистрации имани становятся легкой добычей?

— Вы не верите, что альфа Экрот вас защитит? — сверкнула глазами она.

Я никому не верю.

— Я хочу сама распоряжаться своей жизнью.

— В вашей ситуации стоит быть более осмотрительной.

— Я сама решу, какой мне быть в моей ситуации.

Судя по всему, аргументы у нее кончились. Волчица поджала губы и отвернулась. Кристина пила кофе и делала вид, что меня нет, и я решила, что пора прощаться. В конце концов, у меня есть своя комната, лучше я посижу там, чем рядом с волчицей, которая всем своим присутствием показывает, что мне надо быть благодарной за то, что альфа меня приютил, такую блохастую и без регистрации, а я тут выпендриваюсь.

— Хорошего дня, — я поднялась. — У меня еще есть дела...

Кристина распахнула сумочку, порылась в ней и достала телефон. Весь ее вид говорил о том, что в мои дела она не верит ни на секундочку, и что все мои дела, по ее мнению — это размышления, какое белье надеть на предстоящую нам с альфой ночь. Потом поднялась и протянула мне руку.

— Рада знакомству, Мишель. Надеюсь, наша следующая встреча будет более конструктивной.

Не ответить на такое было невежливо, и, хотя очень хотелось просто развернуться и уйти, я приняла раскрытую ла-

донь. Это стало роковой ошибкой: волчица одним движением прижала к моему запястью иньектор, раздался легкий щелчок. Ужалившая меня игла стала проводником наночипа в мое тело, на запястье выступила капелька крови.

— Удачного дня, Мишель, — как ни в чем не бывало, сказала эта... Кристина, улыбнулась и развернулась, чтобы уйти.

В этот момент я на нее и бросилась. К несчастью для меня, у волчицы оказалась отменная даже для их расы реакция, она перехватила меня легко и толкнула обратно на диван.

— Попытаешься напасть еще раз — я за себя не отвечаю, — прорычала она, и глаза ее вспыхнули желтым. — Я из стаи альфы Анхеля, а ты для него кто? Временное развлечение? Вот и веди себя как подобает, и будь благодарна, что он не сдал тебя в полицию за все твои фокусы.

Кристина шагнула в лифт, оставив меня в дикой ярости. С осознанием того, что теперь я точно больше себе не хозяйка. Теперь я и моя жизнь безоговорочно принадлежат Экроту. А еще... теперь о том, что я имани, узнает весь мир.

Впрочем, долго страдать и посыпать голову пеплом было не в моем стиле. Мне это никогда не помогало. Я не могла отменить случившегося, но, к счастью, еще не подписала контракт с Экротом.

Поэтому я вернулась за стол, допила кофе, а затем поблагодарила Росалию и спросила про свою одежду. Так я выяс-

нила, что женщина успела ее постирать и высушить. Я готова была ее расцеловать за такое, но не знала, насколько это будет уместно, поэтому просто ограничилась рукопожатием.

Переодевшись в свою одежду и аккуратно сложив на кровати выданную, я открыла пустую страницу на планшете и написала послание для Экрота.

«Я передумала».

Установив планшет на подставке на столике, я вошла в свои ботинки и снова вернулась к домработнице:

— Расскажешь, как пользоваться лифтом, Росалия? Как отсюда выйти?

Если я права, для выхода мне тоже потребуется ключ. Если я, конечно, здесь не пленница. Эта мысль заставила меня похолодеть, но все обошлось.

— Хочешь прогуляться? — поинтересовалась женщина, и я кивнула.

Хочу прогуляться подальше отсюда.

— Тут красивый парк неподалеку, — сообщила она, но лифт для меня открыла специальным ключом: я оказалась права, он нужен был для выхода. — По умолчанию лифт идет на парковку. Нажми на кнопку «холл».

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. — За завтрак, одежду и твою помощь.

Я вышла на нужном этаже и спросила у дежурившего в холле небоскреба портье, в какой стороне находится метро. Чем, наверное, повергла его в шок и стресс.

— Я могу вызвать для вас такси, — предложил он.

Я отказалась, потому что мой смартфон и все карты остались у Шимлана, а одалживать деньги у Росалии мне не позволила совесть. К счастью, в крайтонском метро всегда дежурили полицейские. У меня были огромные предубеждения по отношению к копам, но сегодня я подошла к ним первая, объяснила ситуацию, что у меня украли сумку, что я студентка КИУ, и мне надо попасть в общежитие. Чернокожая женщина-полицейская посочувствовала мне и уже через пару минут купила однодневный проездной, а спустя полтора часа я уже была в общежитии, пыталась открыть дверь собственной комнаты, как меня учил Вэнс.

Как назло, Сиенна сегодня прогуливала, поэтому выглянула из-за своей двери.

— Нина?! Ты где была все это время? — она осеклась, заметив скрепку в моих руках. — И что ты делаешь?

— Пытаюсь открыть дверь в свою комнату, — я решила ответить на самый безопасный вопрос.

— Она больше не твоя, — блондинка сложила руки на груди, — ее отдали Мэнди после того, как тебя отчислили. Тебя вообще-то больше недели не было.

— А мои вещи? Где они?

— Выбросили, я думаю.

Все простые ритуалы, что вели меня сюда, как раз помогали мне держаться. Не сорваться. Я по привычке закрыла чувства на замок, оставив рулить всем собственную разум-

ную часть. Покинуть пентхаус Экрота, договориться о проезде, забрать свои вещи... Все размеренно, по пунктам. Но сейчас я дернулась и резко выпрямилась. Потому что это были безумно насыщенные дни: меня похитили, мне угрожали, меня пытались изнасиловать и продать. Да у меня на глазах вервольфу мозги вышибли! Я даже своим гормонам не могла теперь доверять.

А мои вещи просто... выбросили?

Я привыкла закрывать свои чувства за стенами разума, но сейчас у меня вырвалось какое-то рычание раненого зверя, а из глаз брызнули злые слезы. Потому что это были не просто вещи. Это были мои вещи. Мои воспоминания о дорогих людях. Единственное напоминание о них.

Я прислонилась к стене и просто по ней сползла, больше не готовая бороться. Не готовая сопротивляться. Это был последний аккорд после всего, что на меня свалилось. Мои плечи затряслись. Меня теперь колотило всю. Но я не плакала, я смеялась.

Сколько можно? Сколько можно надеяться, подходить близко к тому, чтобы найти мать, и всякий раз получать по носу? Каждый раз встречать на своем пути таких тварей как Шимлан или мохнатых шавок как эта Кристина!

— Эй, Нина! Тебе нехорошо?

— Все прекрасно! — смех выходил из меня какими-то рывками. — Просто неудачный год.

— Тебе надо в деканат.

Я кое-как поднялась с пола и действительно прогулялась до деканата. Чтобы узнать, что в КИУ я больше не учусь. Да и вообще никогда не училась. Потому что благодаря Экроту и моей регистрации им уже доложили, что никакая я не Нина Руцвик.

Визуал. Анхель в бассейне)

Как вам?

Глава 6

Анхель Экрот

— Это было самоуправство, — возмущенно сказала Тара.

Она уже высказала мне все ночью — за то, что влезли на территорию аукциона первыми. Но я прекрасно понимал, что если бы там был настоящий Шимлан, было бы море крови. Среди полиции. А теперь... какая уж теперь к предкам разница.

— Это была наша совместная операция, и я согласился на ваши полицейские условия: узнать все день в день. — Я оперся локтями о стол, глядя на детектива с улыбкой. Настроение почему-то было потрясающим, несмотря на то, что Шимлану опять удалось нас обыграть. — Клянусь, если бы вы приехали первыми, вы бы получили то же самое. Дырку от бейгла.

— Кстати, о бейглах, — хмыкнула детектив. — Девицы с аукциона явно подсадные.

— Да ну?

— И ты забрал важного свидетеля. Единственную похищенную девчонку, которая может дать важные показания.

— Она даст, когда придет в себя. Если хочешь, допрошу ее для тебя.

Тара посмотрела на меня в упор:

— Это не шутки, Анхель. С чего ты вообще такой... воз-

бужденный?

— Я не возбужденный, — я постучал пальцами по столу.
— Я воодушевленный. Помнишь, я тебе говорил, что Шимлан Многоликий — неуловимый засранец? Так вот, теперь у нас сразу несколько козырей. Имани, которая явно что-то знает, горстка подсадных девиц, за которыми вы установите слежку. Так что в целом операция удалась.

— Имани. Незарегистрированная. Сменившая имя и по поддельным документам приехавшая в Легорию. Ты как бы в курсе, что это незаконно, Экрот, — Тара раздула ноздри.
— Или для тебя все okay? Ты согласишься любой лапше, которую она навешает тебе на уши, только потому что у тебя на нее стоит, а между тем как она может быть игрой Шимлана вдолгую.

Я перестал улыбаться.

— Не знай я тебя так хорошо, решил бы, что ты ревнуешь.

— Это первое, о чем ты должен был подумать, Экрот. Верхней головой.

Я прищурился:

— Давай предположим, что ты ревнуешь. В противном случае я не вижу причин продолжать этот разговор, — я наградил ее холодным взглядом. Тара Бейтс умела быть редкостной сукой, но никогда раньше она не говорила со мной в таком тоне.

— Мечтай, — процедила она, а потом с силой ударила ладонями по столу. — Дэя мертва.

— Что?

— Дэя. Мертва, — Тара понизила голос. — А это значит, что у нас здесь предатель, Экрот. Или у тебя. Одно из двух.

Я прищурился. Вчера, когда мы с Дэей прощались, шкалы Шимлана делились на две категории: арестованные и мертвые. Никто не мог спрятаться — даже если существовали какие-то отходные пути, наш разговор состоялся уже после аукциона, любое присутствие чужих волков мы бы почувяли.

Мы с ней говорили в допросной, и теперь я понял, почему. В том числе почему Тара сегодня такая взвинченная.

— Мне жаль, — я посмотрел на нее в упор. — Правда жаль, Бейтс.

— Я должна поговорить с твоей имани. Лично.

— Завтра, окей? На нее и так много всего свалилось. Кроме того, мы ее проверили, ее история действительно подтвердилась. Исчезнувшая мать, одержимый поисками отец, дилер антигена. Не думаю, что Шимлан это планировал за пятнадцать лет.

— А зря, — холодно ответила детектив. — От таких, как он, можно ожидать что угодно.

Эта фраза крутилась в моем сознании всю дорогу, пока я ехал домой. Не потому, что из-за нее я начал подозревать Мишель, нет, потому что я понял, что мы никогда его не поймем. Если не начнем думать как он. Проблема заключалась только в том, что думать как одержимый идеей разрушить

мировой порядок психопат может только одержимый идеей разрушить мировой порядок психопат.

Впрочем, все мысли о психопатах и мировых порядках вылетели у меня из головы, когда Росалия мне сообщила:

— Мишель пошла погулять.

Она сказала это со своим трогательным вилемийским акцентом, который мне всегда нравился. Хотя у Розалии он звучал трогательно-уютно, а у той же Сары, к примеру — весьма соблазнительно, но Сара — волчица, дочь Верховного и его истинной, а Росалия просто человек. Тем не менее сейчас он мне не показался ни трогательным, ни уютным.

— Я разрешил ее отпускать? — холодно спросил я.

— Я... я не знала, что нельзя... приходила Кристина, они оформили регистрацию, кажется...

В том, что оформили, я ни разу не сомневался. Кристина больше напоминала не волчицу, а акулу. Когда я брал ее на работу, даже не догадывался, насколько исполнительная мне попадется девица. Мода на работу личными помощниками альф пошла как раз после матери Сары, Венеры. Та работала на моего отца и благодаря этому познакомилась со своим будущим мужем, одним из самых влиятельных в мире вервольфов. Короче говоря, Кристина держалась за свое место когтями, зубами и никогда меня не подводила.

— Ты свободна.

Росалия расстроено взглянула на меня и ушла на кухню, а я направился напрямиком в комнату имани.

«Я передумала».

Еще и сложила аккуратно всю одежду и все, что ей выдали, и слилась. Погулять она пошла, как же.

Твою мать!

Дура.

В виду особых обстоятельств и смерти Дэи я испытал несколько неприятных минут, пока загружал планшет и устанавливал программу, позволяющую отследить имани с регистрацией. Когда я увидел точку, светящуюся в самом центре КИУ, то слегка выдохнул. А впрочем, уже в следующий момент разозлился еще сильнее.

Лучше бы тебе придумать достойное оправдание, Мишель, чтоб тебя, Монро. Потому что в противном случае...

Додумывать я не стал и даже не стал вызывать Джея. Спустился на парковку и через пять минут уже выруливал на обводную, чтобы не собрать все крайтонские рабочие пробки.

Через полчаса я уже был в КИУ, а еще через пять минут выяснил, что «ваша имани подралась с преподавателем». Точнее, попыталась, потому что преподаватель, с которым она «подралась» — не кто иной, как Хантер Прайер, тоже альфа, старый знакомый моей матери, ее соавтор и историк хрен знает с какого года в этом университете.

Да вы издеваетесь.

Секретарь ректора, у которого заседали эти двое «подравшихся», посмотрела на меня и улыбнулась.

— Хотите кофе, прим Экрот?

Из уст высокой длинноногой брюнетки «хотите кофе» прозвучало как «хотите меня», и в принципе я был бы не против. Сбросить напряжение мне точно не помешает, но у меня из задницы торчала заноза ростом метр семьдесят, рыжеволосая, с небесно-голубыми глазами. Пора, к бесам, ее уже достать. И из задницы, и из кабинета ректора.

— Нет, спасибо, — ответил я и прошел в кабинет, не дожидаясь особого приглашения. Впрочем, оно мне было и не нужно, потому что меня явно все ждали. Кроме занозы. Она сидела в кресле, сложив руки на груди, и даже не обернулась.

Зато Прайер расплылся в улыбке:

— Рад тебя видеть, Анхель.

Угу, угу. Он скорее рад видеть, как кое-кто доставляет мне неприятности, потому что когда-то он соперничал с отцом за мою мать. И хотя Прайер уже давно и счастливо женат на своей паре, сарказма в нем по поводу нашей семьи по самую маковку. Учитывая его рост — более чем достаточно.

— Взаимно, — я вернул ему и улыбку, и сарказм, а наше рукопожатие было похоже на небольшой поединок.

Что бы кто ни говорил, а когда на одной территории сходятся двое альф, это так или иначе превращается в поединок. Заметив это, ректор поспешно поднялся из-за стола, на фоне нас он смотрелся как только что высаженный саженец деревца рядом с исполинскими соснами.

— Прим Экрот! Вы как раз вовремя.

— Да, вы как раз вовремя, прим Экрот! — подала голос

рыжая заноза. — Может быть, объясните всем, с какой радости все называют меня вашей?!

Я мысленно досчитал до десяти, стараясь в это время не смотреть на Прайера, потому что буквально всей кожей чувствовал, что этот волк кайфует и совершенно этого не скрывает.

— Мишель, мы поговорим дома, — я пристально на нее посмотрел, но она подскочила, если не сказать взвилась из кресла рыжим ураганом.

— Дома?! У меня нет дома! Меня даже из общежития выперли! Твоими стараниями, между прочим! — Она повернулась к Прайеру и добавила: — А из-за таких как ты, рушатся жизни!

Тот наконец-то перестал ухмыляться, а я посмотрел на ректора:

— Могу я попросить вас предоставить мне ваш кабинет для приватной беседы?

Ректор посмотрел на Мишель, потом на меня, потом опять на нее:

— Я... Гм, думаю, у меня как раз есть важные неотложные дела.

— Благодарю.

Я дождался, пока они с Прайером выйдут, и повернулся к ней.

— Что ты устроила?! — стоило немалых усилий не сорваться на рычание, и мне это даже удалось.

— Что я устроила?! Я не давала согласия на регистрацию! И я тебе об этом сказала! Что не хочу! Уж тем более ты не имел права палить меня передо всем универом! Я, между прочим, хочу учиться...

— Если бы ты хотела учиться, ты бы сидела в Триции и зубрила лекции, а не моталась бы по Крайтону, по сомнительным местам и не влипала бы в неприятности под чужим именем, — отчеканил я. — Тебе крупно повезло, ты в курсе? Потому что девчонка, которая работала на полицию, мертва. А ты вместо того, чтобы сидеть в допросной, выпалась в элитном пентхаусе, тебе не предъявили обвинение по поводу фальшивых документов и не закинули в камеру, как сообщницу Шимлана. Спасибо, Анхель?! Хрена с два. Ты сбежала, как драная шавка, и еще смеешь закатывать мне истерики и диктовать условия?!

По мере того, как я говорил, ее глаза расширялись все больше, а потом она сжала кулаки:

— Я не драная шавка! И мне безумно жаль эту девушку, кем бы она ни была, но я не позволю решать за меня и не позволю делать со мной все, что вам, вервольфам, заблагорассудится!

Я ее сейчас придушу. Просто придушу. Или нагну над столом и трахну: и не первое, ни второе мне не понравится. Точнее, сначала понравится, а потом — нет.

— То есть ты уже передумала искать мать? — процедил я. — Одна сраная регистрация — и все, ты готова сдать и —

что, Мишель? Снова пойдешь искать на задницу приключения или вернешься в Трицию, поджав хвост?

Она моргнула.

— Я искала ее до тебя, и неплохо справлялась.

— И вот мы здесь, — хмыкнул я. — Давай-ка отмотаем назад. Тебя бы продали на аукционе, если бы он не был подставным, и, могу поклясться, это утро ты бы уже встретила в совершенно ином статусе. Вряд ли тот, кому ты досталась бы, стал бы тебя регистрировать. Регистрация дает тебе защиту, в том числе и от меня. Она дает тебе право передумать.

Я указал на дверь за моей спиной.

— Ты же так написала сегодня? «Я передумала»? Так вот, пока ты не была зарегистрирована, любой мог тебя закрыть где угодно и драть во все дыры, перепродать кому угодно, пустить по кругу, и никто бы за тобой не пришел, Мишель. Никто не стал бы тебя искать.

— Мою мать никто не искал! — выкрикнула она. — Никто, кроме меня и моего отца! Когда мы пришли в полицию, они просто приняли заявление, а спустя год дело было закрыто, потому что «не нашли доказательств». Давай, скажи мне теперь, как регистрация меня защищает! Меня и мне подобных...

— Это было пятнадцать лет назад, — я чувствовал, что вместе со словами из меня выходит терпение. — Пятнадцать лет назад и сейчас — большая разница! Не говоря уже о том,

какая пропасть до сих пор между Трицией и Легорией.

— Конечно! Мы вообще страна третьего мира...

— Не хотелось бы рушить твою систему обидок на жизнь, но да. — Я посмотрел на нее в упор. — Дерьмо случается. Оно случается везде, и, к сожалению, никто от него не застрахован, особенно там, где процветает коррупция и нищета. Я дал тебе слово, что готов найти твою мать, и я от него не отказываюсь. Но предлагать второй раз не буду. Или ты сейчас выходишь за эту дверь со мной и больше не пытаешься выкинуть ничего за моей спиной, или мы выходим по однойночке. Решать тебе.

Она плотно сжала губы и еще сильнее кулаки, словно собиралась на меня наброситься. Как на Прайера, или что она там с ним сделала? Стукнула по башке книжкой, учитывая, что у нее даже сумки нет?

— Они выкинули все мои вещи, — сказала рыжая, и у нее задрожали губы. — И зайку.

— Кого? — охренел я.

— Зайку. Я... он...

Она так и не смогла объяснить, какого зайку у нее выкинули, потому что из глаз рыжей хлынули слезы, она разревелась.

Твою. Мать!

Мишель Монро

Я привыкла держать свои эмоции под контролем, даже Вэнс говорил, что для моей солнечной внешности я очень холодная. Держала-держала и передержала. Потому что стоило моему контролю надломиться, как надломилась я вся. Особенно, когда секретарь в деканате сообщила, что мои вещи давно на городской свалке.

— Ничем не могу помочь, — дежурно сообщила она.

— КИУ — лучший легорийский институт! — зарычала я. Во мне бурлили гормоны, и с каждой минутой все сильнее. — И вы заявляете, что просто выкидываете вещи своих студентов?!

— Вы никогда не были нашей студенткой.

— Нет, была. То, что меня звали по-другому, не означает, что я не приехала на учебу, не ходила на лекции и не завезла свои вещи в общежитие! А я их завезла!

Я почти нависла над девушкой, положив ладони на ее стол.

— Патриша, вам нужна помощь? — раздался за спиной приятный баритон.

Брюнетка за столом облегченно вздохнула и заулыбалась вошедшему в приемную мужчине.

— Все в порядке, профессор Прайер. Просто недоразумение.

Прайер?! Хантер Прайер?

Я крутанулась и впилась взглядом в высоченного вервольфа. Я привыкла к тому, что Экрот высокий, и этот был одно-

го с ним роста. Темноволосый, в очках, он выглядел эффектным ровно настолько, чтобы на него западали все студентки вуза. Но я ненавидела Прайера так же сильно, как и Шарлин Экрот! Ее соавтора и идейного вдохновителя. Именно с его легкой лапы началась вся эта реформа с имани. Потому что его мать была имани.

— Это, — я ткнула пальцем в Патришу, — недоразумение подписало приказ о том, чтобы выбросили все мои вещи. Мои личные вещи. Это вообще нормально для такого университета? Я подам на вас суд!

Брюнетка побледнела и подскочила:

— Вы не отвечали на звонки!

— Потому что не могла. У меня украли телефон и карты.

— А вас всю тоже украли?

Я рванула к ней. Клянусь, я бы повыдирала все ее нарощенные волосы, но меня перехватил Прайер. За плечи. В меня будто током ударило, но, к счастью, я не стекла к его ногам лужицей вожделения, как перед Экротом. Наоборот, мне захотелось, чтобы он меня не трогал.

— Кому из альф ты принадлежишь? — требовательно спросил профессор, а я только сейчас заметила, что глаза у него разного цвета.

— Я никому не принадлежу. Я человек...

— Ты имани.

— Анхелю Экроту, — перебила меня Патриша, и мне захотелось еще больше ее покусать. — Она зарегистрирована

как его имани.

— Потому что меня обманули! — взрычала я и толкнула Прайера в грудь, а затем, когда он отшагнул, сделала подсечку. Профессор, видимо, этого не ожидал, потому что оказался на полу. — Все из-за вас! Все мои беды из-за вас! — выдохнул я в его изумленное лицо.

К слову, Прайер не разозлился. Когда первое удивление прошло, он даже расхохотался и признался, что даже его жена не способна положить его на лопатки, а мне удалось. Но Патриша юмора профессора не поняла и вызвала сначала охрану, а затем ректора. И я оказалась там, где оказалась — в ректорском кабинете.

Потом пришел Экрот и наговорил мне кучу гадостей. Не знаю, что с ним не так, но его слова били в самое сердце. *Драная шавка. Передумала искать мать. Дерьмо случается.* Очевидно, не с ним. У него есть родители и шикарный пентхаус, и еще много всего. Его личные вещи никто не выкидывает, как ненужный хлам...

В какой-то момент что-то внутри меня окончательно сломалось. Осознание, что я больше никогда не возьму в руки игрушку, которую мне клала в постель перед сном мама, единственную связь между ней и мной, накрыло меня такой непроглядной тьмой, что я громко всхлипнула, а к глазам подступили слезы. Я кусала губы и сдерживала потоп как могла, но проклятые гормоны и все случившееся со мной навалилось разом, и я просто позорно разрыдалась. Учиты-

вая, что плакала я последний раз, когда мне было шесть, хуже этого могло быть только то, что я разрыдалась на глазах у Экрота.

Пришлось повернуться к нему спиной и глубоко дышать, как учил Вэнс, но помогало не очень. Кажется, мое тело или моя психика решили, что сегодня мы плачем. Ничего, как нормальный мужик, Экрот должен как минимум испугаться моих слез, как максимум почувствовать отвращение. Как он там сказал? Выходим вместе или по отдельности. Придется ему выходить одному. Потому что я никуда не пойду, пока сопли по топу не размажу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.